

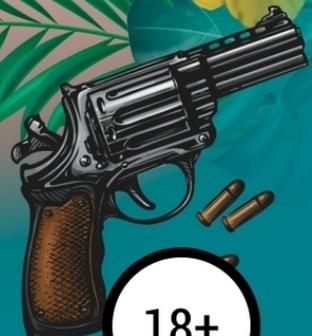
АННА МИЧИ

Давай

~~ПОЖЕНИМСЯ~~

УБЬЁМ ДРУГ ДРУГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Романтика. Эротика. Страсть

Анна Мичи

Давай убьём друг друга

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мичи А.

Давай убьём друг друга / А. Мичи — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Романтика. Эротика. Страсть)

Я и подумать не могла, какое условие для получения наследства выставит прадед. Ладно просто выйти замуж - но выйти замуж за сына злейших врагов семьи? Его родственники пытаются убить меня, мои его - что-то мне подсказывает, наша семейная жизнь будет недолгой! Да и какой муж из этого самовлюблённого, наглого, много мнящего о себе мерзавца? Давай поженимся? Давай лучше убьём друг друга! В оформлении использованы фотографии, купленные на стоке shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Я наткнулась на него в ночном клубе, куда девчонки притащили меня отметить окончание рабочей недели. Ну как наткнулась – это он на меня наткнулся. Точнее, толкнул меня, пробираясь к выходу.

Я обернулась и на миг затаила дыхание. Он был хорош. Рост – выше меня на голову, если не больше, ширина плеч, тело, которому явно уделялось немало времени в спортивном зале, и встрепанная мальчишеская чёлка над широкими бровями. Парень прижимал к уху телефон и морщился, пытаясь уловить голос собеседника – в клубе дело, близкое к невозможности. Скопив на меня глаза, он кивнул в знак извинения, а потом вдруг отнял от лица телефон и широко улыбнулся.

– Охренительно выглядишь! – проорал он, показав большой палец.

Это прозвучало так неожиданно, что я рассмеялась. И, что мигом прибавило ему очков, это не было попыткой снять меня, потому что парень тут же снова прижал телефон к уху и двинулся к выходу.

Я проводила его взглядом. Заодно оценила подтянутую задницу – и мне очень захотелось увидеть её, так сказать, в натуре. Жаль, что он наверняка пришёл с девушкой – у такого прекрасного образчика мужской красоты не может не быть девушки.

Алька всунула мне в руку очередной ядрёный сносящий голову коктейль, что-то на основе водки и красного апельсина.

– Ну как? Увидела кто-нибудь симпатичного?

Я только улыбнулась, потягивая через соломинку напиток. Пожалуй, что увидела. Неожиданно быстро – даже если учитывать, что сегодня в клуб я пришла с чётким намерением найти себе приключения на задницу.

Дело в том, что я только что рассталась с парнем, с которым была вместе полтора года. Рассталась полностью по своей инициативе: в последнее время Димка просто довёл меня желанием во что бы то ни стало «узаконить наши отношения».

Эта картонная формулировка раздражала меня едва ли не прежде всего. Что ещё за «узаконить» – как будто встречаться, даже жить вместе может быть в наше время незаконно. Слава богу, сейчас не средние века, чтобы сексом можно было заниматься лишь после брачного обряда, а простыню со следами первой крови вывешивали бы на всеобщее обозрение.

Кстати, о сексе – Димка с месяц назад начал отказывать мне, видимо, решив, что никакой другой способ уже не подействует.

Да-да, я знаю, звучит смешно. «Дорогая, я хочу тебя. – Ах, дорогой, у меня так болит голова» – вот это повторялось изо дня в день, только роли наоборот. То у него болела голова, то нездоровилось, то устал и хочет спать. Я не нимфоманка, но месяц без секса для молодой здоровой девушки при наличии под боком партнёра – ну знаете, что-то тут не так.

Вообще говоря, я догадывалась, что. Димуля и до этого намекал, как ему надоело горбатиться на дядю и с каким удовольствием он бы помогал в бизнесе моему отцу, как развернулся бы, если бы встал во главе маленького филиала или даже просто одного из отделов нашего головного офиса. Пока-то он разворачивался только на диване, с одного бока на другой.

Статус моего мужа обеспечил бы ему тёпленькое местечко без особых обязанностей, светлое будущее и возможность просиживать задницу в кресле, покрикивая на подчинённых.

В общем-то я его понимала... вот только замуж выходить пока не планировала.

Рассматривая зал поверх соломинки и насаженной на стенку бокала дольки апельсина, я снова увидела того высокого парня. Теперь он шёл в обратную сторону.

Меня он не заметил, смотрел в пространство и, мне показалось, был чем-то озабочен. Впрочем, в мигании стробоскопов так просто и не разглядишь. Как назло, включился бодренький такой даб-степчик, и свет мигал психоделически.

И всё же отличная фигура. И рост. И походка. То, что нужно, для небольшой физзарядки на вечер – или даже на весь уик-энд.

Интересно, как выглядит его девушка? Такая же подтянутая красотка или, по закону жанра, низенькая пышечка?

Я присмотрелась, но девушки рядом не увидела. Он разговаривал с двумя парнями. Похоже, пришёл исключительно в мужской компании.

А это шанс.

Я оставила бокал на барную стойку и ухватила Альку и Эрику за руки. Катажинку уже было не оторвать от бармена, она лежала на стойке так, что её полноразмерные троечки чуть не вываливались из декольте. Бармен профессионально улыбался, поглядывая на выставку достижений народного хозяйства.

– Я хочу вон того красавчика, – я ткнула пальцем в сторону высокого парня. – Сможете устроить?

Во-первых, обозначить границы, пока ни одна из моих любимых акул не положила глаз на мою добычу. Во-вторых – Янике Миргородской самой суетиться не по статусу. Нет, вперёд пойдут разведывательные корабли, а флагман поднимет орудия к бою лишь тогда, когда всё будет уже подготовлено.

– О-о, – многозначительно проронила Эрика.

Алька же деловито осведомилась:

– Тот высокий? У самой сцены? Губа не дура!

– По воробьям не стреляем, – мурлыкнула я.

– Катьку берём? У неё уже на мази, похоже.

– Сейчас я ей пару слов скажу, – Эрика склонилась к Катажине.

И тут зазвонил – точнее, завибрировал, в оглушительном грохоте музыки я ничего не слышала – телефон.

Один взгляд на экран заставил меня нахмуриться.

Мама.

Время было ещё детское, едва миновала полночь, но мама никогда не звонила после десяти. Ярый фанат здорового образа жизни, она во всём следовала заповедям фитоняшек и спать ложилась с петухами.

Звонок поздней ночью означал что-то недоброе.

– Девчонки, я на пять минут. Можете приступить, я вас найду.

Пройдя узкий коридорчик на пути к туалетам, я толкнула плечом тяжёлую дверь. Даже не стала брать шубку в гардеробе, просто выпорхнула на улицу под грохот и девичьи визги, несущиеся из зала. Холодный ноябрьский воздух приятно освежил разгорячённое тело.

Справа от входа, на загороженном от ветра пятачке курили. Я свернула влево.

– Алло? Мам?

– Яника, прадедушка умер, – раздался далёкий, какой-то неземной мамин голос.

Поверила я сразу, да и оснований не верить у меня не было. Последние десять лет мой прадед – основатель финансовой империи Миргородских, Михаил Ефремович Миргородский – провёл в здании Первой городской больницы – в коме, с лишь редкими моментами прояснения сознания.

Наверное, грешно так говорить, но в какой-то мере каждый из нас ждал известия о его смерти. Да, печально, всё же часть семьи – да какая часть: прадед, как забитый в незапамятные времена гвоздь, скреплял всю нашу родственную пирамиду, вавилонскую башню семейных связей, члены которой уже давно разговаривали на разных языках. Печально – и в то же время, думаю, не солгу, если скажу, что мы все вздохнули с облегчением.

Вот оно и случилось.

– Всё нормально? Мне приехать?

– Да, приезжай в понедельник. Возьми отгул на работе. Похороны скорее всего во вторник или среду, утрясаем этот вопрос. В понедельник огласят завещание.

Потянулась пауза. Слишком большое значение это имело для нас.

– Хорошо, – наконец сказала я. – К десяти утра буду у вас.

– Да... И, Яничка... – голос мамы стал тревожным, – не хочу тебя волновать заранее, но по секрету нам шепнули, что в завещании есть пункт относительно Штольцев.

– Шт... – начав на повышенных тонах, я проглотила остаток фамилии. Нервно хихикнула: – Надеюсь, он не завещал перестрелять их всех, прежде чем мы сможем вступить в права наследования.

– Я тоже на это надеюсь, – так же нервно пошутила мама. – Сама знаешь, от прадедушки всего можно ожидать.

Перебросившись ещё парой реплик, мы распрощались. Трусцой я побежала обратно в клуб. Всё же ноябрь это не июнь, а я сегодня, умница этакая, решила добавить куража и напялила чулки. Мороз хватал за задницу.

Мамино сообщение не сколько застало меня врасплох, сколько смутило. Штольцы? Зачем бы прадед упоминал в завещании старых врагов семьи?

Почему-то у меня было плохое предчувствие.

В душевной тесноте танцпола я на миг растерялась. Где мои боевые подруги? Катажинка обнаружилась на прежнем месте, у стойки, а Эрики и Альки было не видать.

Наконец через толпу ко мне пробилась Алька.

– Я тебе машу, машу, – сходу наехала она. – Мы за столик сели, вон там.

За столиком, на составленных полукругом красных диванах, я увидела всю компанию, и в том числе своего красавчика. Он сидел как раз в середине, откинувшись на спинку, и благодушно осматривал зал. Приподнял брови, когда мы приблизились.

Алька пихнула меня вперёд, и я благополучно приземлилась рядом с ним. Затрепыхала ресницами, делая вид, что вижу его впервые:

– Привет.

– Испанская красотка! – он на притворство размениваться не стал. Расплылся в улыбке.

Боже, как ему шла эта улыбка, с одним уголком губ выше другого, но очень искренняя. Видно было, что он и впрямь не ожидал снова меня увидеть и рад тому, что увидел.

– Скорее уж еврейская, – ехидненько подсказала Эрика.

Я молча погрозила ей кулаком. Этот жест вызвал смех собравшихся. Кто-то стал признаваться в любви в еврейским женщинам. Тут же Эрика сообщила, что наполовину немка, и посыпались шуточки про интернационал.

Да, компания у нас была интернациональной. Я, с моими еврейскими корнями, полячка Катажина, Эрика с отцом-немцем и Алька-Александра, единственная до мозга костей русская.

Мой парень в разговоре почти не участвовал. Неторопливо попивал что-то алкогольное, судя по цвету, виски или ром. С ним рядом я чувствовала себя пригревшимся котёнком. От его тела веяло жаром, а я всё же замёрзла во время разговора с мамой.

Мы быстро перезнакомились. Парней было трое, моего звали Серым – дурацкая кличка. Про себя я тут же стала называть его Сергеем. Спутники представились как Игорь и Кирилл. Им было по двадцать пять – двадцать семь лет, все старше нас, двадцати двух-трёх летних. Игорь и Сергей приятельствовали с детства, Сергей и Кирилл сейчас работали вместе.

Честно говоря, всё, что не касалось Сергея, я пропускала мимо ушей. Я уже была полностью уверена, что хочу провести с ним ночь. От кальяна и коктейлей кружилась голова, и с каждым разом мне всё труднее становилось отводить взгляд от своего горячего соседа.

В клубе было темно, но кое-что я разглядела.

Чётко очерченные мышцы, которые не скрывала тонкая ткань его футболки от известного бренда. Часы от другого бренда на запястье. Последней модели айфон. Ненавязчивая, не выставляемая напоказ роскошь. Этот парень был из нашего круга.

Это было одновременно и хорошо, и плохо.

Хорошо потому, что он мне понравился, и я невольно примерила его на нашу семью. Пожалуй, Сергея, в отличие от Димки, я бы даже могла представить прадеду. Теперь уже, правда, не получится...

А плохо это было потому, что у нас запросто могли оказаться общие знакомые. Для короткой интрижки лучше выбирать кого-то, с кем нет опасности столкнуться на званом ужине. Успокаивало то, что я совершенно определённо никогда не видела его раньше. Возможно, у нас и нет общих знакомых. В городе-миллионнике это вполне вероятно.

Пригубив коктейль, не вслушиваясь, рассмеявшись чей-то очередной шутке, я снова украдкой глянула на породистое продолговатое лицо соседа. Истинно арийское, если так можно сказать.

Широкие тёмные брови, глубокие глаза, цвет которых я никак не могла в клубном полумраке разглядеть. Тёмно-русые, кажется, волосы. Короткая стрижка, только наверху чуть длиннее. Чисто немецкий подбородок – твёрдый, хоть орехи колоть. И эта кривоватая ухмылка, заставляющая что-то глубоко внутри меня предвкушающе урчать.

Его рука давно лежала на спинке дивана и, когда я в очередной раз откинулась назад, вдруг пробежалась нежданной лаской по обнажённому плечу – так, что кожа покрылась мурашками. Я вздёрнула голову, уставилась Сергею в лицо. Не знаю, что он прочёл в моих глазах, но снова улыбнулся. Медленно и хищно. Так, словно уже мысленно раздевал меня.

Рука на моём плече сжалась сильнее, заставляя прильнуть к горячему телу. Сергей наклонился ко мне, и я задержала дыхание. Невольно приоткрыла губы для поцелуя. Внутри пылал огонь, я давно была готова на всё. Ещё миг, и я сама бы вцепилась в его волосы на затылке, притягивая к себе, впиваясь в его губы жадно, как новорождённый вампир.

Но он не поцеловал меня. Только шепнул:

– Так тебя зовут Яной?

Скрывая разочарование, я неопределённо кивнула. Подруги звали меня Янчиком или просто Ян. Для посторонних это часто звучало как сокращение от имени «Яна», так что я привыкла соглашаться и не тратить время на объяснения.

– Твой парень не боится отпускать такую красивую девушку одну в клуб?

– Я не привыкла отпрашиваться у парня, – я опустила глаза, притворяясь пай-девочкой. – Тем более что его у меня сейчас нет.

– Серьёзно?

– Недавно рассталась. Пока не хочу завязывать серьёзные отношения.

Я неслась всё, что приходило в голову, почти не задумываясь. Меня влекло к нему со страшной силой. Внешность, запах его одеколона, его низкий бархатный баритон. Сила в обнимающей меня руке.

Больше всего хотелось предложить ему перестать болтать и заняться делом. Но, говорят, некоторые парни не любят напористых женщин.

Он придвинулся ближе, так, что мы оказались с ним сидящими почти в обнимку. Шепнул, касаясь губами уха:

– Не хочешь потанцевать?

По коже опять побежали мурашки.

Облизнув губы, я отстранилась. Улыбнулась, копируя его улыбку – полную вальяжной уверенности.

Бросила через стол, якобы подругам, на самом деле – ему:

– Я в дамскую комнату, – и перекрестила пальцы, чтобы они не вздумали составить мне компанию. Наш секретный жест: «нельзя».

Девчонки понимающе переглянулись.

– Не заблудись, – Алька встала, пропуская меня.

– Не волнуйся, – усмехнулась я.

Чувствуя на заднице взгляд Сергея, неторопливо, делая вид, что засматриваюсь на симпатичных парней, пошла к выходу.

Железная дверь между залом и узким коридором, ведущим к туалетам, отрезала высокие звуки, оставив только басы. Я встала перед зеркальной стенкой, внимательно всмотрелась в отражение, притворяясь, что поправляю косметику. Поправлять было нечего – в зеркале отражалась красотка с вишнёвыми глазами и вздымающейся грудью. Ложбинка угадывалась через прорези на топе, они же не скрывали загорелую кожу плеч. Зубки нежно поблескивали в улыбке, а длинные серьги покачивались в тёмных локонах.

Ну разве не хороша? Обалдеть как хороша!

Я подмигнула своему отражению.

Сейчас узнаем, попадёт ли лев в ловушку.

Занавес позади слева качнулся: кто-то открыл дверь. Я невольно напряглась.

Это был он. Остановился, оглядываясь. Наши взгляды встретились через зеркало.

Я забыла, как дышать. Закусила губу. Мгновение – и я повернулась лицом к Сергею, упираясь лопатками в холодное стекло.

Одновременно он сделал шаг ко мне. Наклонился – и мне показалось, он собирается снова как-то пошутить. Но нет – он лишь заглянул мне в глаза, улыбаясь.

Хорошо, что промолчал. Я была уже вся захвачена теплом его тела, запахом туалетной воды, этим тёмным взглядом из-под ресниц, нахальной улыбкой. Любая фраза, слово, даже звук мог разрушить эту магию.

В следующий момент Сергей притянул меня к себе, целуя жадно и бесцеремонно. Именно так, как мне хотелось.

Из зала гремела музыка: кажется, Сергей не до конца закрыл дверь. По полу вились клубы дыма, со стороны улицы тянуло запахом сигарет. Крепкое горячее тело Сергея вжимало меня в холодную поверхность зеркала – огонь и лёд. Губы, жаркое дыхание, горячие руки на прохладной коже.

Он отлично целовался. То вёл, заставляя меня отступать, то позволял встречные выпады, чтобы сразу наказать за излишнюю самоуверенность. Потянув за волосы, заставил открыть шею, которую тут же покрыл поцелуями. От этой ласки я мурчала и едва стояла на ногах. Наконец, не выдержав, закинула колено ему на бедро, ещё сильнее оперевшись на зеркало.

Он придержал мою ногу свободной рукой. Пальцы скользнули по тонкой паутинке чулка. Забрались под юбку, сдвинули в сторону полоску трусиков.

Я застонала от прикосновения. Не требовалось ничего подготавливать, я бы приняла его в любой момент. Но Сергей не торопился, доводя меня до сумасшествия одновременными движениями губ и пальцев.

Не вытерпев, я полезла к его ширинке. Только тогда он понял. Ухмыльнулся, щелчком расстегнул пуговицу. Тихо вжикнула молния. Навстречу ладони выпрыгнул мой приз на сегодняшний вечер – длинный, твёрдый и возбуждающий.

Мне захотелось взять его в рот, я даже сделала попытку опуститься, но Сергей не позволил. Притянул к себе, жадно поцеловал, навалился всем телом. Его член замер у самого входа, будто ждал разрешения. Я шевельнула бёдрами, насаживаясь. Мне даже было всё равно, надел ли Сергей резинку. Кажется, да, но я не была уверена. Плевать.

Он вошёл в меня постепенно, давая время привыкнуть к себе, к его габаритам – по ощущениям, идеально подходившим под мой собственный размер. Наклонился ко мне, замер, упираясь лбом в мой лоб, глаза в глаза. Я тяжело дышала, чувствуя, как щёки заливают горячий румянец.

И тут из зала кто-то вышел.

В моей затуманенной голове даже мысли прерваться не мелькнуло. Было только желание, чтобы нам не помешали и чтобы Сергей не останавливался.

Он и не стал. Двигаясь внутри меня, взглянул поверх моей головы в зеркало. На лице была всё та же кривоватая усмешечка, но дышал он тоже прерывисто и быстро.

Вышедший из зала что-то пробормотал. Я поморщилась: мешает. Но в следующий момент всё стало ещё хуже.

Из-за спины Сергея послышался пьяный смех и обрывок фразы:

– ... смари-ка... трахаются, – и заставившее меня похолодеть характерное пиканье включённой на телефоне видеосъёмки.

– Пшёл вон, – негромко, но отчётливо выдохнул Сергей, не сводя глаз с зеркала – с непрошеного зрителя, отражавшегося в нём.

Потом, видимо, почувствовал, как я напряглась, и взглянул на меня.

Я смотрела на него, закусив губу.

Чёрт, если нас реально снимут и выложат на ютуб, это конец. Мне привиделись заголовки новостных порталов: «Яника Миргородская занимается сексом в ночном клубе», «Дочь династии Миргородских стала звездой ютуба», «Правнучка Миргородского зажигает в ночь смерти прадеда». И сто тысяч просмотров под видео с моим испуганным лицом.

Кошмар. Отец поседеет. А учитывая то, что он вроде как собирался баллотироваться на пост мэра...

Сергей вышел из меня, поправил мою задрвшую юбку и застегнулся сам. Сделал движение обернуться – по всей видимости, чтобы накостылять по шее любителю хоум-видео или, скорее, клуб-видео¹. Прищуренные глаза и твёрдо сжатые губы выдавали недобрые намерения.

Я цапнула его за руку. Заставила пригнуться ко мне (опасалась, что сбоку выедет чужой смартфон, чтобы заснять моё лицо) и шепнула:

– Пойдём в туалет.

Он даже не успел ответить: нас накрыл ещё один голос, на этот раз громкий и пропитанный уверенностью:

– Нарушаем клубные правила?

Я осторожно выглянула – как мышка из норки.

В конце коридора, на пути к выходу, стоял человек. По одной его позе – вальяжной и в то же время угрожающей, с широко расставленными ногами, с руками на поясе, было ясно, что это секьюрити клуба. Надпись «Охрана» на его чёрной толстовке была уже излишней.

Чёрт. Это же надо было так лохануться – у них же везде камеры.

Только умница Яника занимается любовью не просто на проходе – а там, где её подвиги с гарантией окажутся запечатлены. Если не зевакой с телефоном – то охранными камерами.

А я у мамы талант.

– Мы с девушкой уже уходим, – мягко сообщил Сергей.

Я даже не возмутилась, что он решил за меня. Тоже хотела оказаться подальше отсюда и заняться тем, в процессе чего нас так неуютно прервали.

– Штрафчик за нарушение правил клуба заплатите, молодой человек.

Парень со смартфоном, продолжая снимать, начал обходить нас сбоку. Он был не на шутку пьян и бормотал что-то почти нечленораздельное. Я отворачивалась, пряча лицо. Нет-нет, пожалуйста, не надо множить компромат.

Дверь из зала снова распахнулась, выплёскивая тяжёлый бит. Господи, кого ещё там черти принесли?

– Папа меня убьёт, – вырвалось у меня.

Сергей услышал. Повёл широкими плечами, будто разминаясь. Мягко оттолкнул меня в сторону, загораживая от назойливого пьяного.

---

¹ Хоум-видео – в данном случае жанр порно, снятого любителями в домашних условиях. Клуб-видео – термин, придуманный Яникой, здесь означает «порно, снятое в клубе».

А потом я не сразу поняла, что произошло. Сергей распрямылся, его кулак врезался в челюсть видеоману, что-то стукнуло о пол, раздался неприятный хруст. Сзади завизжала какая-то девушка. Получивший по роже парень упал, неуклюже раскинув в сторону руки.

Сергей обернулся ко мне. Я обалдела, увидев, что он широко улыбается. Кивнул в сторону входной двери:

– На выход!

Не успев ни возразить, ни понять, что он задумал, повинувшись силе в его руках, я полетела в указанном направлении. Охранник что-то крикнул, Сергей походя сунул и ему кулаком в лицо, толкнул дверь, и мы выбежали на улицу.

– А ну стоять!

Со стороны курилки к нам бежали, постукивая тяжёлыми ботинками по асфальту, ещё двое в форме охраны.

Не дожидаясь, мы помчались налево. Хотя как помчались – я, на шпильках, не успевала за Сергеем, и ему приходилось фактически тащить меня на себе. Я надеялась, что мы сразу увидим ожидающее такси, но, как назло, ни одной машины на глаза не попадалось. Сзади слышался топот и матерные угрозы.

Ещё немного, и у меня либо кончилось бы дыхание, либо подвернулась бы нога, либо Сергей, потеряв терпение, бросил бы меня сам. Но мне повезло. Завернув за угол, мы увидели машину с раскрытой дверцей. Урчал на холостых мотор.

Я обрадовалась – но тут же поняла, что это не такси. Просто какой-то парень болтает по телефону рядом со своей тачкой. Видимо, приехал за кем-то. Но Сергей при виде этой картины расплылся в широкой улыбке.

Подскочил к машине, рывком открыл заднюю дверь, втолкнул меня внутрь. Влетая в пахнущее кожей нутро машины, я краем глаза увидела, как болтающий по телефону парень схватил Сергея за плечо, поливая матом. Тут же получил по лицу – я машинально подсчитала: это был уже третий схвативший по роже мужик за сегодня. В следующий миг Сергей вскочил на водительское место и втопил педаль газа в пол.

Машина сорвалась с места, как гоночный болид. Я вжалась в сиденье, наблюдая, как на предвзлётной скорости мы виляем между другими припаркованными тут и там тачками, скачем по ямам, тротуарам и газонам. Вскрикнула, когда чуть не впилились в столб – Сергей успел повернуть в последний момент.

Когда мы наконец выбрались на шоссе, я не знала, плакать или смеяться.

Прекрасно. Я, в угнанной тачке, лечу сквозь ночь с парнем, о котором ничего не знаю, на дворе ноябрь, моя шубка в гардеробе, сумочка с номерком на диване – и мобильник там же. Я даже не могу позвонить Эрике или Альке и попросить получить мои вещи.

Так, соберись, Яника.

Хрен с вещами.

Мы угнали чужую машину, Сергей за рулём в пьяном виде, если сейчас нас остановит дорожная инспекция, это будет конец. Кирдык. Аллес капут. Кроме того, остаётся проблема с видео – засняла ли клубная камера моё лицо? Если не во время секса, то во время драки уж наверняка.

Ладно. Будем решать проблемы в порядке поступления.

– Серёж, – окликнула я спутника. – У тебя телефон с собой?

Уверена, в этот миг в моём голосе звучало отчаяние всего мира.

Сергей – я видела его лицо в зеркале над ветровым стеклом – приподнял брови. Не отрывая левой руки от руля, правой полез куда-то в задний карман.

На сиденье шлёпнулся айфон.

– Спаситель! – я подхватила его и сообразила, что не знаю, кому звонить. – Набери мне Игоря! Или Кириллу.

– Поищи в контактах. Казанцев. Зачем тебе?

– Я оставила вещи... пусть передаст моим девчонкам. Там мой телефон и сумка, и всё остальное.

– Я тебе куплю, – ухмыльнулся Сергей.

Сумасшедший мажор. Я даже не стала отвечать.

Телефон не был запаролен. Набрав номер, я попросила передать трубку подруге.

Игорь совсем не удивился, что с телефона Сергея звоню я. Зато Алька отреагировала по полной программе. Обалдела, долго пыталась понять, о чём я прошу, наконец въехала.

– Яныч, ну ты даёшь. Ладно шуба – как можно забыть сумку? И телефон? Признайся, он тебя похитил? – её смех звенел на весь салон.

– Ага, под дулом пистолета, – проворчала я. – И ты бы видела тот пистолет...

– Или то дуло? Ой, не пошли! Ладно, не волнуйся. Возьму я твои вещи. Ты там до утра или как?

Я неопределённо помычала, оглядываясь на водителя. Сергей смотрел на дорогу. Что ж, оставалось надеяться, что он оплатит мне такси на обратный путь или даже отвезёт сам. Без кошелек и верхней одежды я не доберусь.

– Да, думаю, до утра, – понизив голос, ответила я. Попросила, чтобы Алька отвезла мою сумку с шубкой к себе, мол, завтра заберу.

Ещё немного поржав надо мной, подруга пообещала, что всё сделает. Я с облегчённым вздохом начала на значок «завершить разговор» и откинулась на спинку.

Пьян был Сергей или нет, когда мы выехали на приличную трассу, вёл он довольно ровно. Неизвестно когда включённая музыка наполняла салон. Движение убаюкивало, меня потянуло в сон. Но когда Сергей вдруг мягко направил автомобиль на обочину и притормозил, я тут же проснулась.

– Телефон, – он повернулся ко мне и протянул руку. – Сядь вперёд, – кивнул на соседнее кресло и, не дожидаясь реакции, стал набирать кого-то.

Диктаторские замашки заставили меня усмехнуться. Почему парни, стоит им только решить, что девушка завоёвана, сразу начинают командовать?

Но пока что мне нравилось притворяться нежной кошечкой, так что я хлопнула дверцей и быстро пересела. Поёжилась от холода на улице. Кажется, температура начала опускаться. Или это я замерзаю после нашего сумасшедшего забега. Не заболеть бы.

– Слушай, разберись с одним делом, – говорил тем временем Сергей. – Сходи вниз, найди парня, который остался без тачки, и дай ему немного за моральный ущерб. Скажи, чтобы за тачкой приехал завтра на стоянку у «Империала». Дай ему мою визитку, если будут вопросы.

О. То есть это не угон. Заимствование без спору.

Что ж, по крайней мере он отвечает за свои «шалости». Или не хочет проблем с полицией. Не просто избалованный мажор, а избалованный мажор, умеющий исправлять свои ошибки.

– Потом, – Сергей искоса взглянул на меня, – поговори с охраной. У них в коридоре перед туалетом висит камера. Делай, что хочешь, но чтобы видео за сегодняшний вечер больше не было.

Хм. Пожалуй, возьму назад свои недавние слова. Он скомандовал мне не потому, что решил не церемониться с девушкой. Он просто привык командовать.

Беда в том, что мы, Миргородские, такие же.

Сергей убрал телефон обратно в карман. Посмотрел на меня – ещё не до конца выпрямившись, немного снизу вверх, взглядом шкодливого чертёнка.

Я только сейчас заметила, что глаза у него голубые. Тёмно-голубые, продолговатые, не очень большие, зато очень хитрые. И такая же хитрая улыбка. Опасная, потому что выглядит совершенно невинной.

Я поймала себя на том, что невольно улыбаюсь в ответ. И вспомнила, что мы сидим в чужом автомобиле.

– Давай скорее поедem туда, куда ты сказал. «Империал»? – кажется, так назывался отель в центре. Возможно, сегодня мы переночуем там?

– Уже? Зачем?

– Не очень умно разъезжать в чужой машине. Если остановят – документов на машину нет, от тебя несёт ромом.

Моя тирада никак не повлияла на его улыбку.

– И не хочешь поездить по ночному городу? – спросил Сергей, нагибаясь ко мне и поправляя пристежной ремень. – Не волнуйся, всё будет хорошо.

Его запах и близость снова всколыхнули во мне желание. Когда он наклонился, его лицо с начавшей пробиваться щетиной оказалось совсем рядом, и мне захотелось провести по щеке ладонью. По щеке и шее, скользнуть пальцами за ворот футболки. Запустить внутрь руки, проверить на гладкость кожу и на упругость – скрытые под ней мышцы. Увидеть наконец, так ли хорошо выглядит его тело, как мне казалось.

И ещё эта его спокойная непрошибаемая уверенность – она тоже добавляла привлекательности. Нельзя было не поверить: да, всё действительно будет хорошо. На него можно положиться.

Сергей почему-то не торопился снова завести мотор. Сидел, повернувшись в мою сторону, одна рука на руле, другая на панели между нашими сиденьями, барабанит пальцами в такт музыке. Сидел и смотрел на меня – а потом вдруг опять наклонился и насмешливо шепнул:

– Так значит, до утра?

О. Он слышал, что я сказала Альке.

Я тихо рассмеялась, не сводя глаз с его близких, предвкушающе полураскрытых губ. Сердце забило сильнее. Сергей тоже смотрел на мои губы. Улыбка сошла с его лица, глаза потемнели. Но он почему-то медлил, будто опасался чего-то.

И тогда я, не в состоянии больше ждать, сама подалась ему навстречу. Обхватила ладонями лицо, почувствовав ожидаемую мягкую колючесть, накрыла губами губы – и тогда накрыло и меня. Волной величиной в небоскрёб. Сергей перехватил инициативу, поцеловал страстно, будто устал сдерживаться. Его пальцы твёрдо впились в мой затылок – не больно, но властно, по-хозяйски, заставляя плыть, повинуясь чужой ласке.

Это был долгий и очень... мощный поцелуй. Если бы меня заставили встать, я бы не удивилась, обнаружив, что ноги дрожат.

Как же я его хотела. Если он умеет так целовать – каков же он в постели?

– Согрелась? – спросил этот нахал. Снова с улыбкой.

Я хотела ответить что-нибудь независимое и остроумное, но, как назло, в голове было совсем пусто. Куда только делась моя язвительность. Пришлось только загадочно усмехнуться.

Машина тронулась с места. На ветровое стекло начал сыпать мелкий игольчатый снег – всё же и впрямь похолодало.

Я затихла на переднем сиденье. Машина мчалась сквозь ночь, фонари полосовали дорогу. Музыка играла что-то зажигательное, Сергей отбивал такт пальцами, и я краем глаза следила за этим движением.

И куда же мы едем? Он не спросил, где я живу и можно ли ко мне – хотя с таким характером он, кажется, привык не спрашивать, а решать. Неужели везёт к себе? И там не ждёт ни девушка, ни жена?

Впрочем, всегда остаётся вариант отеля или съёмной квартирki специально для жарких любовных встреч.

Кольца на безымянном пальце Сергей, во всяком случае, не носил. Даже следа от него не было – ровный загар. Кстати, загар в начале зимы – Сергей или ходит в солярий, что вряд ли,

это уже вышло из моды в наших кругах, или, что вероятнее, не так давно ездил куда-нибудь отдохнуть.

Мне всё загадочнее казалось то, что мы с ним раньше не встречались. Я даже открыла рот, чтобы расспросить поподробнее, но потом вспомнила, что не собираюсь заводить серьёзные отношения.

Да и какие серьёзные отношения могут быть с таким типом? Он же весь целиком – сама несерьёзность.

В этот момент машина затормозила. Не скрывая любопытства, я выглянула в окно.

Место оказалось незнакомым. Но вроде как рядом с центром: из-за крыш виднелась зали-
тая фиолетовым неоном городская телевышка.

– Быстро марш в подъезд, – на колени мне упала связка ключей. – Четырнадцатый этаж, квартира пятьдесят шесть. Я буду через пятнадцать минут.

Пока я хлопала глазами, Сергей сноровисто отстегнул мой ремень, открыл дверь и приказным кивком указал на подъезд. Уличный мороз обжёг лицо. Решив не спорить, я подхватила ключи и последовала приказу.

Усмехнулась, войдя в холл. Надо же, какой начальничек.

Шпильки звонко стучали по мраморному полу, когда я печатала шаг. Консьерж метнулся было навстречу, но, завидев ключи, угодливо поздоровался.

Я улыбнулась в ответ. Прадед требовал, чтобы мы уважали обслуживающий персонал, так что привычка улыбаться и быть вежливой уже въелась в кровь. Как, наверное, в кровь Сергея въелась привычка приказывать.

И куда же он смотался? Что-то мне подсказывало, поехал в тот самый «Империал», ставить машину. Судя по телебашне, тут недалеко.

И, однако – удивительная беспечность. Давать вот так вот ключи впервые увиденной, снятой в клубе девушке – а что если я вынесу ему полквартиры?

Представив, как тащу на своём горбу телевизор «плазма» и вырезанный из стены сейф, я невольно усмехнулась. Интересно, на обратном пути консьерж так же любезно придержит мне дверь?

На лестничной площадке оказалось всего две квартиры. Я по-свойски открыла замок пятьдесят шестой. Думала, внутри будет темно – но в глубине квартиры горел тусклый свет. Скинув надоевшие шпильки, я с наслаждением пошла по чистому полу.

Что ж, следов женского присутствия сходу видно не было. Квартира оказалась совершенно холостяцкой, мужской: минималистская кухня в серо-чёрных тонах, полки с книгами – никакой художки, сплошные справочники, мануалы, учебники и деловые папки, – огромная двуспальная кровать, аккуратно застеленная серым покрывалом. За стенкой нашёл уголок с тренажёрами: скамеечка для упражнений на пресс и спину, стойка со штангой, набор гантелей всех размеров. Здесь тоже всё блестело на славу, а ведь Сергей явно пользовался оборудованием почти каждый день.

Пожалуй, женщина здесь всё же бывает.

Домработница.

Только они могут настолько безукоризненно вычистить дом, почти лишив его следов жизни.

Сергей не возвращался, и я пошла обратно в жилую часть. По-хозяйски села в глубокое чёрное кресло перед рабочим столом. Прохладная кожа пощекотала обнажённые места. Не отказав себе в любопытстве, я пошевелила мышкой, но монитор остался чёрным. Что ж, найти компромат на хозяина дома не получится.

Хотя...

Привстав, я вытянула одну из папок, выстроившихся на полке. Бумаги, бумаги, договор на прокладку каких-то труб... строительство? Я заглянула в конец в надежде обнаружить имя Сергея, но подписались только какой-то Скучаев А. В... и Штольц О. Д.

Штольц?!

Я выронила папку, как гремучую змею. И смотрела на неё так же, уверена.

Мой Сергей работает на Штольцев!

Худой мир лучше доброй ссоры, только поэтому нам приходится сохранять лицо, даже иметь какие-то деловые отношения. Но всё равно все знают: если ты человек Штольца – для Миргородских ты станешь персоной нон грата². Миргородские никогда не введут в свой круг приближённого Штольцев – и наоборот.

Вот поэтому я никогда не встречала Сергея раньше, как и он меня. У нас просто не было шанса встретиться. Кроме как сегодня – совершенно случайно, во многомиллионном городе, в одном из клубов, которых здесь как рыб в море. Это ж надо было так попасть!

И что же делать?

Хотя о чём я, зачем что-то делать. Мне с Сергеем детей не крестить – даже не рожать. Я ведь не собираюсь с ним встречаться – просто переспать разочек. Уж сексом ведь можно заняться и с человеком Штольца, половым путём это не передаётся, клеймо Штольцев на мне не появится.

Просто секс. Просто разрядка.

В прихожей стукнула дверь, а потом послышались тяжёлые шаги. Я сначала дёрнулась, хотела спрятать папку, а потом передумала.

– Чего сидишь в потёмках? – весело спросил Сергей, заходя в комнату. От него веяло морозной зимней свежестью.

Я бросила на него мрачный взгляд. Ткнула пальцем в лежавшую на столе папку.

– Ты работаешь на Штольцев!

Сергей приподнял брови и подошёл. Подобрал папку, вернул на место.

– И что? – спросил он с мягкой усмешкой. – У нас полгорода работает на Штольцев. Ты что-то против них имеешь?

– Ещё бы! Низкие, жадные, наглые... – я бы перечисляла дальше, но это сложно делать, когда собеседник не только беззастенчиво ржёт, но и поднимает тебя из кресла и начинает целовать.

– Только не говори, что они обообрали твою бабушку, – проговорил он жарким шёпотом, сноровисто снимая с меня топ. – Украли пенсию. И новые очки.

– Дурачина, – мне становилось не до возмущений, но разве можно так сразу сдаться. – Вот я не работаю ни на Штольцев, ни на Миргородских.

На самом деле я немного кривила душой. Формально моя компания действительно нам не принадлежала. Просто её генеральный был другом моего папы.

– М-м? – пробормотал Сергей в мою шею. Он уже успел освободить меня от лифчика и тискал грудь. Всё, теперь от него на какое-то время не будет толка в плане беседы. Некоторые мужчины умеют думать одновременно только одним местом.

Впрочем, в следующий миг он обхватил ртом мой сосок, и мне тоже стало не до беседы. Я ахнула, выгибаясь в его руках.

Сергей держал меня крепко, как будто был сделан из железа. Из крепкого, упругого, тёплого железа. Держал почти на весу и изучал губами моё тело, целовал шею, грудь, возвращался к моим губам и снова к груди. Уже одним этим он распалил меня настолько, что я захотела скорее перейти к следующему этапу. Но Сергей, как назло, медлил, словно задался целью вконец свести меня с ума.

---

² Здесь: нежелательное лицо.

Юбка упала на пол, следом трусики, поверх – чёрный пояс для чулок. Сами чулки Сергей снимать не стал. Подхватил меня под попу и посадил на стол. Я снова ахнула, на этот раз от прикосновения к холодной поверхности. Хорошо, что жар, исходящий от Сергея, всё возмещал.

Он скинул с себя футболку, отбросил, скомкав – таким знакомым мужским жестом, не заботясь, где она упадёт и что с ней станет. Расстегнул джинсы, в то время как я ласкала глазами открывшуюся картину. Его тело оказалось даже лучше, чем я представляла – сухое, загорелое, гладкое, с тугими выпуклыми мышцами.

Словно зачарованная, я провела руками по его твёрдому животу – усмехаясь, Сергей напряг мышцы пресса. Спустилась по дорожке из волосков ниже, перехватила ткнувшийся мне в ладонь член. Облизнула губы.

Но продолжить исследования мне не дали. Сергей бедром раздвинул мои ноги, взял меня за затылок и заставил запрокинуть голову. Секунду смотрел на меня сверху вниз. На губах его была лёгкая улыбка, а в глазах – непроглядная ночь. Я замерла – в одних чулках, с расставленными ногами, податливая глина в его руках.

В следующее мгновение он наконец поцеловал меня – и вошёл, одновременно. Я сидела на самом краю, откинувшись, и чувствовала, как глубоко он движется внутри меня – и с каждым движением волна жара заливала лицо. Чтобы не упасть, я обхватила Сергея за шею. Мы целовались, не разнимая губ. Сергей крепко держал меня за бёдра, управляя, насаживая на себя, и осознание того, что от меня сейчас фактически ничего не зависело, что меня имели, странным образом заводило ещё сильнее.

Я уж думала было, мы так и завершим этот раунд – на столе, но Сергей вдруг прервался и вышел из меня, заставив разочарованно застонать. Сергей усмехнулся. Легко подхватил меня – я сплела ноги за его спиной, руками обвила шею и впилась в его губы с жадностью вампира. Отвечая на поцелуй, Сергей отнёс меня на несколько шагов в сторону и опустил на прохладное покрывало. Слава богу, это был не шёлк и не атлас – ненавижу заниматься сексом на холодной и скользкой поверхности. Материал быстро согрелся, впитал пот. А сверху меня накрыло тело Сергея.

На этот раз я заметила, когда он надел резинку. Достал серебристый квадратик из тумбочки рядом с кроватью, вскрыл и быстро раскатал презерватив по члену. Если честно, я немного отвыкла заниматься сексом в презервативе: последние полгода Димка ныл, что ощущения не те, и я перешла на гормональные. Даже сейчас, расставшись с ним, я по привычке продолжала их пить.

Я тронула Сергея за руку:

– Не надо.

– В смысле не надо? – он вздёрнул бровь.

– Я принимаю таблетки. И ничем не болею. Но если не доверяешь...

Один долгий миг он просто смотрел на меня, ничего не говоря. Потом поинтересовался:

– А ты мне доверяешь? – уголки его губ снова поползли вверх. Правый чуть выше левого – дьявольски привлекательная усмешка.

– Мой адвокат позвонит тебе, если ты заразишь меня гонореей.

Сергей рассмеялся. Резинка, скатанная его быстрыми ловкими пальцами, полетела в мусорное ведёрко, стоявшее рядом с кроватью.

– Ну, раз ты так говоришь, – шепнул он, нависая надо мной. – Надеюсь, обойдёмся без гонореи.

О да, детка.

Я чуть не выдохнула это вслух, снова почувствовав его внутри. Мне и самой не хотелось между нами никакой преграды, даже миллиметрового слоя латекса. И да, может быть, это ужасно глупо, но я доверяла ему.

Похоже, кое-кто и впрямь слишком давно обходился без секса – и я имею в виду не Сергея. Я почти забыла, как может быть хорошо. Тяжесть мужского тела, жадные поцелуи, всё нарастающее удовольствие – рывками, толчками, пока внутри не запульсировало, и оргазм Сергея не стал спусковым крючком для моего собственного – так что мы финишировали почти одновременно.

Безотчётным движением я притянула его к себе за шею, как будто он собирался тут же вскочить и куда-то убежать. Всем телом я слышала, как стучит его сердце – быстрые сильные удары в груди. Сергей тяжело дышал мне в плечо, не двигаясь.

Да уж, я и впрямь забыла, что может быть так хорошо.

А может, дело в том, что с Димкой мне уже давно перестало быть хорошо. Слишком он достал меня своим нытьём о работе и браке, чтобы даже в те редкие моменты, когда у нас был секс, я могла полностью отвлечься.

Сергей, кажется, был готов отрубиться прямо лёжа на мне, и я слегка потыкала его под рёбра:

– Я хочу в душ.

– А... да.

Он скатился с меня, освобождая. Лёг на спину и прикрыл глаза рукой, будто даже приглушённый свет в спальне казался ему слишком ярким.

Я встала и залюбовалась его телом, без малейшего смущения выставленным во всей его нагой красе. Длинные сухощавые ноги, устало склонившийся на бок член в густых зарослях, дорожка от паха к пупку и впалая линия вверх по животу и груди.

Какая жалость, что это приключение на одну ночь. Я бы не возражала повторить. Повторять. В конце концов, даже если он работает на Штольцев днём, почему ночью не может поработать на Миргородских? Переманить подающего надежды человека – первая заповедь бизнес-конкуренции.

Душевая была совмещена с туалетом. Вместо ванны стояла кабинка с матовыми стенами. Я быстро умылась, кое-как привела себя в порядок – насколько это было возможно без косметички. Полюбовалась собой в зеркале. Хорошо, что у меня тёмные брови и ресницы – отсутствие косметики меня почти не портило: чистое, свежее лицо с блестящими глазами. Можно смело выходить.

Я думала, Сергей заснул, и удивилась, обнаружив, что он лёжа просматривает какие-то бумаги и хмурится. Выглядело это забавно: он даже не прикрылся, но лицо было откровенно рабочим.

Я прилегла рядом, ненарочито поглядывая в документы. А вдруг удастся узнать какую-нибудь инсайдерскую информацию. Обскакать Штольцев и урвать у них из-под носа лакомый кусочек – что может быть приятнее. Жаль, что я не очень понимала в строительстве.

Как часто бывало в минуты расслабленности – или наоборот, нервняка – мне захотелось выкурить сигаретку.

И, кстати, пачка с зажигалкой же лежат в кармане юбки. Если бы Сергей не вышел следом за мной, я собиралась спуститься в курилку.

– У тебя можно курить? – я обошла кровать и вытащила добычу. Вскрыла пачку.

– Ты куришь? – Сергей посмотрел в мою сторону.

– Иногда.

– Можно, но у меня нет пепельницы. Хотя погоди... – он прыжком соскочил с кровати и пошёл к полке у другой стены.

Я вернулась к кровати, любуясь его поджарой спиной и небольшими округлыми ягодичками. А когда он повернулся – дорожкой волос и рельефом спереди.

– Держи, – в мои протянутые ладони легла чёрная мраморная пепельница. Тяжёлая. – Лежит для друзей.

– Спасибо, – я с огромным удовольствием залезла обратно на кровать, откинулась на подушки и закурила.

Нет ничего лучше чем вот так, полужёжа, после хорошего секса, блаженствовать с сигареткой. Я курила не часто, могла целыми днями не вспоминать о табаке, но сейчас это стало прекрасным завершением насыщенного дня.

Ещё бы чашечку кофе...

Я бы, может, дёрнула Сергея снова, но тут зазвонил его телефон. Экран осветился, и я увидела имя звонящего: Света.

Сергей, не глядя, нащупал гаджет, поднёс к глазам и досадливо поморщился. Провёл пальцем по экрану, сбрасывая.

– Почему не берёшь? – я выпустила струю дыма. – Твоя девушка?

– Я с ней расстался, – Сергей наконец убрал бумаги в папку, а саму папку бросил на стол. Попал, и документы даже не разлетелись в стороны.

– Давно?

Звонок бывшему в два часа ночи? Бывает.

– Сегодня, – Сергей ухмыльнулся и провёл широкой ладонью по моему бедру, задирая полотенце.

– А она об этом знает?!

Вопрос остался без ответа. Сергей поцеловал меня прямо в наполненный табачным дымом рот. Мягко отобрал сигаретку, осторожно затушил. И сорвал к чертям полотенце.

* * *

Ни в ту ночь, ни на следующий день, ни даже в воскресенье я так и не попала домой. Поначалу ещё порывалась, но любые мои возражения и причины отменялись со взмахом руки.

Нет одежды – мы едем в бутик неподалёку. Косметика – там же покупаем небольшой походный набор, и небольшим он был только потому, что я на этом настояла. Телефон – пожалуйста, давай купим или возьми мой, если надо с кем-то связаться, и на худой конец ведь существуют аккаунты в соцсетях.

Больше возражений я не придумала. Да и, если честно, мне нравилось ощущать себя любимой игрушкой, которую балуют, украшают и не отпускают далеко.

Я знала, что это игра, которая закончится вместе с этими выходными, и Сергей знал это тоже.

Мы так ничего и не рассказали друг другу ни о работе, ни о своих семьях: он только упомянул, что у него есть младшая сестра, восемнадцать лет, второй курс экономического университета; а я сказала про брата: двадцать семь, женат, детей пока нет, работает.

Мы оба, как специально, обходили личные темы, словно без слов договорились считать друг друга просто женщиной и мужчиной, а не двумя узелками огромной сети социальных связей. И я с удовольствием окунулась в жизнь, где я была не Яницей Миргородской, а кем-то вроде домашнего питомца.

За выходные мы много ездили, много ели и много раз занимались любовью, находя для последнего места где угодно: на столе, на кровати, в душевой, перед зеркалом в прихожей, даже на скамеечке для упражнений на пресс, оказавшейся жутко неудобной. Наверное, будь на улице лето, мы обязательно попробовали бы секс на природе – или на балконе – или даже на крыше, – но ноябрь безжалостен к эксгибиционистам, так что идею пришлось похоронить.

Секс с Сергеем сводил меня с ума. То ли он безошибочно находил те точки, прикосновение к которым доводило меня до пика, то ли виноваты были переполнявшие меня эмоции, из-за которых я готова была кончить от одного взгляда в его глаза, от дыхания, опалывшего мои губы – но он ни разу не оставил меня неудовлетворённой.

Меня возбуждало даже звучание его низкого насмешливого голоса, он заставлял меня чувствовать себя самкой в течке, готовой на всё, лишь бы он раздвинул мои ноги, вошёл бы, наполнил собой.

И ещё я была без ума от его тела. Мне нравилось в нём всё. Гладкая почти безволосая кожа, упругость мышц под моими руками, манера постукивать пальцами в раздумьи. Форма ногтей и угловатые запястья, длинные сухие мускулы, щиколотки с ярко выраженной косточкой, татуировка на левой ноге – какая-то замысловато вырисованная вдоль ступни то ли ящерица, то ли дракон.

В воскресенье вечером он притащил меня ужинать в ресторан. Я заказала пасту с морепродуктами, быстро справилась с ней и сидела, наслаждаясь белым вином, пока Сергей доедал огромный стейк с овощным гарниром. Думала, стоит ли говорить, что в понедельник – так неумолимо надвигающийся – мы расстанемся, и, скорее всего, навсегда. Мне очень хотелось спросить, что он сам думает об этом. В эти два дня мы вели себя как пара, которая давно вместе, но о будущем не заговаривал ни один из нас.

Да и о настоящем тоже.

Это было странно. Я знала, почему молчу я: потому что он работает на Штольцев, потому что я не планировала ничего серьёзного – и успела ему в этом признаться, и потому, что меня всё же беспокоило то мамино: «В завещании упомянуты Штольцы». Если наша конфронтация с ними станет ещё сильнее, будет очень не вовремя притащить в наш круг их человека.

Но почему молчал сам Сергей?

Привести домой случайно снятую в клубе девушку, чтобы заняться с ней сексом – это одно. Держать её при себе следующие два дня, засыпать, обнимая её, утыкаясь носом в её шею или макушку, возить по магазинам, покупая всё, что она только захочет – это уже совсем другое. Даже если допустить каприз богатенького мальчика – Сергей вёл себя странно. И он иногда смотрел на меня так, как будто мучительно думал о чём-то и никак не мог решиться.

Я уже раскрыла было рот, чтобы спросить напрямую, как заметила у входа нового посетителя. Боюсь, паника явно проявилась на моём лице.

Это был Ярославский – известный журналист. Я знала его постольку-поскольку – во-первых, мало кто его не знал, во-вторых, он часто посещал тусовки высшего света, и, естественно, мы несколько раз пересекались.

Беда была в том, что у него, как часто бывает у журналистов, была отличная память на лица и фамилии. А путь к его столику пролегал как раз мимо нашего.

Я подхватила меню, чтобы накрыть лицо, а потом решила, что это слишком ненадёжно. Бросила Сергею:

– Я сбегая в туалет.

Он кивнул. Мне показалось, что на его лице промелькнуло облегчение.

Журналист уже подходил, и я сорвалась с места, не поворачиваясь. Процокала каблуками до узкого коридорчика и скрылась за заветной дверкой со значком в виде дамы в наряде семнадцатого века.

Вот это засада. Впрочем, удивительно, что за выходные мы ещё не столкнулись ни с кем из моих знакомых, ведь ходили в основном по известным местам. А может, нас и видел кто-нибудь, только мой телефон лежит себе дома у Альки. Я даже не в курсе, если кто и прислал сообщение.

Сделав дела и поправив косметику, я решила, что можно выходить. Пока я занимала кабинку, снаружи успела образоваться небольшая очередь, и девушка, стоявшая первой, негодуя фыркнула: «Засела на полчаса». Я улыбнулась ей так угрожающе ласково, что она чуть не поперхнулась и отвела глаза.

Но стоило вернуться в зал, как улыбка сползла с моего лица.

Ярославский никуда не делся, а напротив – стоял у нашего столика и болтал с Сергеем.

Я пригнулась, чувствуя, как быстро забилося сердце. Они знакомы?! В принципе, это неудивительно. Ярославский знает полгорода, и я же сказала, что у него отличная память на фамилии и лица. Но, чёрт, как же это некстати!

Снова сбежать в туалет не получится, а на место пока не вернуться. Ярославский непременно узнает меня. Глуховатый голос журналиста встал в памяти: «Барышня Миргородская! Рад видеть». Он любит обращаться именно так, в слегка архаичной манере.

Но что же делать? Официант уже начал на меня поглядывать. Того и гляди, решит, что я заблудилась, и попытается довести до нашего столика.

Я отвернулась и независимо зашагала прочь, всем телом транслируя: эта девушка знает, куда идёт, не надо к ней приставать, она злая и может послать по матушке. Сработало: краем глаза я увидела, как официант кинулся в другой конец зала, где повелительно приподнялась рука.

Я тут же присела за большой кадкой с чем-то зелёным и развесистым.

Осторожно выглянула: Сергей по-прежнему болтал с Ярославским, а тот будто прописался у нашего столика. На моих глазах внаглую присел на диванчик, хотя явно же должен был заметить там женские вещи.

Сзади послышались шаги. Я в панике обернулась. Мимо прошёл невозмутимый официант, поправляя перекинутую через правую руку салфетку. Наши глаза на миг встретились, но официант не произнёс ни слова, как будто посетители, ползающие на полу за кадкой с искусственной пальмой – это в порядке вещей.

Вот что значит приличное место. Хоть уползайся – тебе ничего не скажут. Максимум, вежливо спросят, удобно ли и не желаю ли я, чтобы мне сервировали десерт прямо тут.

Тем не менее, я решила перебазироваться. Стало интересно, о чём эти двое так долго болтают. Может, узнаю что-нибудь о моём загадочном Сергее.

Пригибаясь, мелкими перебежками я достигла соседнего с нашим столика. Забилась в самый уголок, опять поближе к зелёным насаждениям – кто бы мог подумать, что я так полюблю зелёные насаждения! пусть даже немного неживые, главное что раскидистые – и прикрылась меню.

Донёсся голос Сергея:

– Мне ничего об этом не известно, к сожалению.

– А если в обмен? – спросил Ярославский. – Насколько я знаю, там довольно пикантное условие... свадьба. Или... ребёнок.

Потянулась пауза. Я уж было решила выглянуть, хотела увидеть выражения их лиц, но Сергей вдруг резко и порывисто произнёс, заставив меня сжаться, как мышка:

– Миргородский выставил такое условие?!

Вот так так. Я превратилась в одно большое ухо. Свадьба или ребёнок? О чём вообще речь? И какой именно Миргородский из нашего немаленького клана имеет в виду?

Хотя надо беспокоиться о другом. Какого чёрта Сергей интересуется нашими делами? Или я ошиблась, думая, что он всего лишь шестерёнка в механизме, а на самом деле он едва ли не правая рука Штольцев? Или... он сам Штольц?

Нет, этого не может быть!

Я бы узнала. Я же видела досье на них, правда, давно, лет десять назад. Но я помнила их имена. Там не было ни одного Сергея, Штольцы, как идиоты, дают своим детям сплошь немецкие или скандинавские имена. Герхард, Оскар, Пауль, Ральф. Ни одного Сергея даже близко не лежало.

– Тс-с, – понизил голос Ярославский. – Насколько мне известно.

– Хм-м, – я услышала уже ставший знакомым барабанный перестук пальцев. – Это интересно.

– Я хотел бы получить равноценную информацию взамен.

– Да? – по голосу было слышно, что Сергей сомневается.

– Если грядёт долгожданное примирение двух влиятельных семей, – начал Ярославский медленно, будто на ходу сочинял заголовок для будущей статьи. – Я хотел бы быть первым, кто об этом напишет.

Снова потянулась долгая пауза. Наконец Сергей ответил:

– Я думаю, это можно устроить.

И тут надо мной, как гром с небес, раздался девичий голос:

– Что будете заказывать?

У меня чуть сердце из груди не выскочило. Я совсем забыла, что сижу за пустым столиком и для любого официанта – кроме того, кто видел мои недавние манёвры – выгляжу как совершенно новенький, необслуженный гость.

Чёрт бы побрал этот сервис.

Я неуверенно взмахнула рукой. Если я сейчас заговорю вслух, меня услышат так же ясно, как я сама слышала чужую беседу. Раздвинуть кустики – и вот она я, как устрица с раскрытыми створками, мягкая и беззащитная. Надо как-то дать понять официантке, что я ещё не готова сделать заказ.

Девушка нетерпеливо взмахнула блокнотиком и осведомилась громче:

– ЧТО БУДЕТЕ ЗАКАЗЫВАТЬ?!

Кажется, моя попытка телепатировать нужное сообщение только что провалилась.

Я схватилась за горло, выпучила глаза и шёпотом прохрипела:

– Я ещё не решила.

– ПРОСТИТЕ?

– Я ЕЩЁ НЕ РЕШИЛА, – прохрипела я громче. На всякий случай старательно картавя. Сжалась, уже готовая к тому, что сейчас услышу знакомое: «Барышня Миргородская! Не ожидал вас здесь увидеть».

С другой стороны от кустиков молчали, но, слава богу, не торопились выглядывать.

Официантка пожала плечами и ушла.

Я осторожно раздвинула листики: Ярославского уже и след простыл, а Сергей хмурился и что-то изучал в телефоне. Как же некстати подошла та девица. Если бы не она, я бы слышала ещё что-нибудь.

Ради соблюдения конспирации, прежде чем вернуться к столику, я сделала круг по залу, улыбаясь фирменной улыбкой Миргородских: «смотри, а заговаривать не смей». Изящно выпорхнула из-за очередных кустиков и присела на своё место.

– Прости, там очередь была такая.

Сергей только покивал, не отрывая взгляда от телефона. Мне стало обидно.

– Скажи, с кем ты тут только что разговаривал? – пошла я ва-банк.

Пальцы, держащие телефон, едва уловимо дрогнули. Сергей поднял глаза.

– Так, один знакомый. Поздоровались, перекинулись парой слов.

Лицо его было абсолютно непроницаемо.

Вот, значит, как. Мы, значит, скрываем. Мы секретничаем. Ладно.

– Серёж, а как твоя фамилия?

Айфон со стуком лёг на стол. Сергей, не отвечая, смотрел на меня. Мне стало неудобно.

– Я что-то не так спросила? Просто любопытно.

Я улыбнулась, но Сергей остался совершенно серьёзным.

– А твоя? – спросил он.

– Моя? – повторила я, чтобы выиграть время на раздумья. Голос некстати взмыл вверх, выдавая неуверенность. – Э-э...

– Да, твоя, – Сергей откинулся на спинку дивана. Выражение его лица изменилось, напряжение ушло. – Я твою тоже не слышал.

Надо было что-то отвечать, причём срочно, но ничего хорошего не приходило на ум. Назваться фамилией Эрики или Альки? А если мы продолжим общаться? Как я объясню, что у нас одинаковые фамилии? «Знаешь, дорогой, мы разлучённые в детстве сестры». Ничего, что они обе блондинки, а на моём носу огромными буквами написано: «Шалом³»?

И тут в голове блеснула идея.

– Невеличко, – выпалила я.

Уж здесь ни один комар нос не подточит. Невеличко – была фамилия папы. Когда мама выходила за него замуж, прадед дал добро только при условии, что она сохранит девичью фамилию. Естественно, нас с братом тоже записали как Миргородских – но при других обстоятельствах мы стали бы Невеличко.

– Яна Невеличко? – усмехнулся Сергей. – Тебе подходит, – он дёрнул подбородком вверх-вниз, словно хотел указать на мой рост.

Я хотела было сказать ему, что сто семьдесят сантиметров это вполне себе даже «величко» – но мне помешали.

– На десерт что-нибудь желаете? – возле стола материализовалась официантка.

– Кофе и чизкейк, – сказала я решительно. И только услышав удивлённый возглас, подняла глаза.

Это была та самая официантка, перед которой я изображала смертельную простуду.

– Кх-кхм, – добавила я тут же, но, боюсь, никого этим не обманула.

* * *

Наше свидание не ограничилось рестораном. После него Сергей отвёз меня...

Вот куда обычные парни приглашают девушек зимой?

В кинотеатр, в боулинг, на худой конец, в бильярд или паб. В тёплое уютное место, где нет опасности растрепать волосы и испортить макияж. Где можно тихо-спокойно посидеть с вином около камина, послушать музыку и поболтать.

Куда же потащил меня этот зверь? На каток. На открытый каток в центре города, когда на улице минус восемь, кожа красная от ветра, глаза слезятся, и, стоит потом снять шапку, как волосы норовят встать дыбом, будто не желая с этой шапкой расставаться.

Нет, в принципе, когда я смирилась с неизбежным, мне понравилось.

На коньках я не стояла года три, но тело не подвело, вспомнило движения почти сразу. Сергей тоже, как выяснилось, отлично катался, и поначалу мне пришлось плохо от всех этих пируэтов, поддержек и подкидываний. На нас оглядывались, когда мой визг звонким эхом метался по площади.

Я вроде и старалась не кричать, но визг вырывался сам, стоило взлететь в воздух на огромной скорости, видя в опасной близости ошарашенные лица других посетителей. Так и представлялось, как при очередном пируэте лезвие моего конька изящно отделяет чью-то голову от шеи.

Слава богу, Сергей был осторожен, и жертв не случилось. Ну, кроме меня.

В конце концов я взмолилась о пощаде, и мы принялись кататься, как приличные люди, взявшись за руки, скользя нога в ногу и обмениваясь, скажем так, впечатлениями. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем с междометий и мата я смогла перейти на обычный, свойственный хорошо воспитанной девушке словарный запас.

– Ты пока покатайся, – внезапно сообщил Сергей, взяв курс на проём для выхода со льда.

– А ты куда?

Вопрос остался без ответа. Пожав плечами, я продолжила наматывать круги. Ждать пришлось недолго, уже минут через пятнадцать Сергей появился среди зрителей за бортиком. Помахал мне.

---

³ Шалом – еврейское приветствие, означает «мир (вам)».

Я подъехала к нему, заложив показательный крутой вираж. И только тут обнаружила, что Сергей сжимает два рожка с мороженым, а к ременной петле у него привязана связка цветных гелиевых шариков.

– Мороженое? И шарики? Серьёзно?

– На, поддержи, – вручил он мне оба рожка. Быстро отвязал шары, бесцеремонно развернул меня, поймал, не дав уехать к чёрту на куличики, и задрал сзади куртку.

– Что ты делаешь?!

– Тихо, всё путём.

Над головой плясали шарики: розовый, синий, серебряный, красный, снова серебряный. До меня дошло: перепривязывает их мне на талию. Клоун!

– Где ты их взял вообще?

– Там, – Сергей неопределённо махнул рукой. – Вот так, – он похлопал меня по заднице, – теперь ты выглядишь, как надо.

– В смысле как тринадцатилетняя девочка? – я повернулась на льду, шарики заколыхались от движения.

Ну вот. Теперь клоун я.

– Как надо, – повторил Сергей и улыбнулся. А потом привлёк меня к себе – насколько это было возможно с учётом разделяющего нас деревянного бортика.

– Эй, у меня мороженое, – запротестовала я. Развела руки в стороны, показывая, что они заняты и что неплохо было бы меня от этой ноши освободить.

– Не бойсь, не растает, – усмехнулся Сергей, притягивая меня за пушистый воротник куртки.

Вы когда-нибудь пробовали целоваться, стоя на коньках и сжимая в каждой руке по мороженому? С человеком, от поцелуев которого у вас слабеют ноги?

Не пробуйте, это плохо кончается.

Я даже сама не поняла, что произошло – в какой-то момент меня переполнило настолько пронзительное счастье – от одного лишь соприкосновения губ, от того, как Сергей заглядывал в мои глаза, моим воротником закрывая нас от всего мира, от его улыбки и бесконечной нежности – что я потеряла равновесие, поехала на коньках куда-то вперёд, а центр тяжести стремительно полетел назад.

Сильные руки подхватили меня в последний момент, спасая зад от поцелуя с ледяным полем. Над ухом раздался хохот. Нет, не так: ржач.

– Ты первая девушка, которая падает в мои объятия так буквально, – сообщил Сергей.

Довольный – больше некуда. Хоть по лбу давай, да никак – обе руки заняты.

– Возьми уже, в конце концов, ты у меня это мороженое! Где ты вообще взял мороженое в середине зимы?

– Середина зимы – самое время, чтобы есть мороженое, – Сергей помог мне выбраться на твёрдую поверхность. Наконец отобрал один из рожков и стал разворачивать упаковку.

Я занялась своей порцией, а потом вдруг поймала взгляд девочки, сидевшей на скамеечке неподалёку. Он был такой... завистливо-жадный, будто я украла у неё счастье всей жизни.

Хочет мороженого?

Девочка поймала мой взгляд и отвернулась. Нахохлилась, как воробушек. Маленькая, не старше трёх-четырёх лет. Женщина с ней рядом, во всей видимости, мать, позёвывая, смотрела в свой телефон.

Я вспомнила, что видела их на катке – эту девочку, я запомнила её по яркой розовой шапке с помпоном, мальчика постарше и мужчину, скользившего, взяв обоих за руки. Всё ясно, старший брат с отцом ещё катаются, а девочке или надоело, или мама решила, что хватит.

– Поддержи-ка, – на этот раз была моя очередь совать мороженое Сергею.

Тот приподнял брови, но лакомство взял.

Я быстро, насколько могла на лезвиях коньков, заковыляла к девочке. Присела перед ней и спросила, улыбаясь:

– Хочешь шарики?

Было забавно видеть, как враз просияло её маленькое нахмуренное личико. Мать повернулась с явным неудовольствием на лице, но, увидев меня и связку шаров над моей головой, слегка растерялась.

Я закопошилась, отвязывая от пояса верёвочки, отделила три и вручила девочке.

– Держи, у меня много.

Девочка не осмелилась взять сразу, бросила взгляд на мать. Та кивнула:

– Бери, тётя... – всмотрелась в моё лицо – с красным носом и щеками, без следа стёршегося за бурный день макияжа, оглядела пуховую курточку с меховым воротником, шарики, задорно пляшущие в руке, и поправилась: – девочка?.. тётя? Короче, бери, тебе дарят.

Тётя! Девочка!

Я даже не поняла, что меня больше обескуражило.

Нет, конечно, алкоголь без паспорта мне пока не продают, но чтобы назвать «девочкой»? Я взрослая, половозрелая, работающая женщина в полном расцвете сил!

– Прикольная малая, – с одобрением сказал Сергей, когда я доковыляла до него со сложным выражением на лице.

– Любишь детей?

– Терпеть не могу, – снова засмеялся он, и я слегка ткнула его под дых.

Он поймал меня за руку. Притянул к себе – и у меня сладко сжалось внутри от предчувствия поцелуя.

Но тут вдруг откуда-то раздался оглушительный свист и грохот, заставившие меня вздрогнуть. Поначалу я даже не поняла, в чём дело. Только тогда, когда небо и сам каток, и вся площадь – под громкие хлопки окрасились розовым, фиолетовым, синим и зелёным – наконец сообразила.

Это откуда-то с крыш стали пускать фейерверки – кажется, кто-то уже начал праздновать Новый год.

Сергей прижимал меня к себе, а я плавилась в тепле его тела, в кольце его сильных рук и успевшем стать родным запахе. Наверное, я могла бы простоять так вечно, не думая ни о чём, просто слушая свист взрывающихся в воздух ракет, сухой шорох осыпающихся огней и глухой размеренный стук сердца прямо напротив уха.

– Ян... выходи за меня.

Сперва мне показалось, я ослышалась. Я затихла, ничего не отвечая. Потом, когда сердце Сергея забилось быстрее, а в сжимающих меня руках появилось напряжение, поняла, что он сказал это на самом деле.

Я подняла голову. Нервно усмехнулась, ловя на себе взгляд потемневших голубых глаз:

– Ты с ума сошёл?.. Мы третий день знакомы.

– Думаешь, рано? Подождём четвёртый? – поддразнил он меня.

Я засмеялась, не отвечая. Снова уткнулась лицом в складки его одежды.

– Знаешь, а я подумаю, – пробурчала себе пару секунд. – Если ты расскажешь мне больше о себе. Например, свою фамилию.

Теперь молчал он.

Я рывком оттолкнулась, поймала его взгляд. Сергей долго медлил, прежде чем ответить.

– Я скажу. Завтра вечером, окей? Я просто... должен кое-что сделать перед этим.

– Что?

Почему-то мне это не понравилось. Сердце сжалось от плохого предчувствия.

– Это быстро. Я должен был кое-что сделать – на благо семьи. Что-то вроде морального долга перед родителями. Но... понял, что не смогу. Завтра я улажу этот вопрос. И тогда всё расскажу тебе. Всё, что только ты захочешь узнать.

– А... – моё возражение запечатали поцелуем. Когда мы оторвались друг от друга, то оба тяжело дышали. И, я была уверена, хотели бы сейчас оказаться наедине.

Сергей озвучил мои мысли:

– Поехали-ка домой.

* * *

Скрываясь, Сергей, наверное, и не подозревал, что этим только усилил моё желания во всём разобраться. Ну, хотя бы в том, что он не имеет отношения к Штольцам.

Тем же вечером я, улучив минутку, когда он был в душе, проверила в интернете имена всей штольцевской поросли. Как я думала, Сергеев среди них не оказалось. Это меня сильно успокоило.

Успокоило бы ещё сильнее, если бы я увидела их нынешние фотографии, но, видимо, Штольцы относились к безопасности своих потомков так же придирчиво, как и Миргородские (отец берёт нас от папарацци, как голливудские звёзды не берегут своих детей). Фоток почти не нашлось, а если и были, то смазанные или нечёткие. К тому же дело осложнялось тем, что парней приблизительно моего возраста у Штольцев хватало, всякие двоюродные-троюродные, побочные ветки.

Я уже почти отчаялась, как вдруг увидела на очередной фотографии Сергея. Эта фотка тоже оказалась нечёткой, но уж Сергея я узнала. Он, дружески улыбаясь, пожимал руку неизвестного мне брүнета. Оба были в деловых костюмах.

Меня словно окатило ушатом холодной воды. Но потом в глаза бросилась подпись под фотографией, и я расплылась в широкой улыбке.

Она гласила: «Сын Дениса Штольца покупает строительный бизнес Сергея Милославского».

Статья рядом пела дифирамбы Оскару Штольцу, молодому предпринимателю, так что её я просмотрела наискось. И уже ввела было в поиск «Сергей Милославский», но тут он сам вышел из душа, и пришлось срочно сворачиваться.

Встретила я его с широкой улыбкой на лице.

Милославский!

Звучит очень созвучно с Миргородскими. Хочешь не хочешь, а почувствуешь судьбу.

– Смотришь на меня так, как будто сейчас съела бы, – пошутил Сергей, вытирая волосы.

А я и впрямь уже зачарованно наблюдала за капельками, усеивающими крепкий подтянутый живот. Повязанное низко на бёдрах полотенце только лишний раз щекотало воображение.

– Яна, – позвал Сергей бархатным хриловатым голосом.

– Боже, – сказала я, с трудом отрывая взгляд от начавшего приподниматься полотенца.

Подошла к Сергею и встала перед ним почти вплотную, смотря снизу вверх. Без каблуков я была по сравнению с ним совсем маленькой, и это ужасно мне нравилось.

Он молча мерил меня ответным взглядом. А когда наконец наклонился, я сказала ему прямо в приоткрывшиеся губы:

– Мы с тобой как кролики. Бешеные кролики.

Знаете, как мгновенно испортить намечающийся секс?

Спросите меня.

Ладно-ладно, шучу. На самом деле всё было, когда мы отсмеялись.

В ту ночь мы любили друг друга, как ненормальные. Как приговорённые к казни, которая должна была состояться на рассвете – так, что каждая минута и каждый миг казались самыми ценными. Мы почти не говорили. То ли боялись сказать что-нибудь лишнее, то ли просто

любые слова сами по себе стали бы лишними. Хватало взглядов, прикосновений, рваных стонов и крепких, почти до боли, объятий.

Наверное, мы оба чувствовали, что наша сказка кончается.

В понедельник рано утром я закрыла за собой дверь квартирки, успевшей стать мне домом. Сергей мирно спал, обняв подушку мускулистыми руками, и выглядел таким откровенно сексуальным, что уйти мне удалось лишь с огромным трудом.

Впрочем, я решила, что сразу вернусь, как только выясню, что там с прадедушкиным завещанием.

Не могла не вернуться.

* * *

Я уезжала на такси. Ещё накануне попросила у Сергея денег на поездку. Он предложил отвезти меня сам, но я не согласилась. Не стоило будоражить Альку. Да и Сергея перед рабочим днём напрягать не хотелось. Это у меня сегодняшний день – выходной, а у него полноценный будний.

За уик-энд город замело, и машина пробиралась по сугробам с трудом, шофёр вздыхал, барабанил пальцами по рулю. Этот перестук напомнил мне о Сергее, и сердце болезненно ёкнуло.

Чёрт, говорят же, что мысль материальна. Так чего же я воображаю всякие глупости?

Однако странное предчувствие не отпускало.

Алька встретила меня заспанная, встрёпанная, в розовой с зайчиками пижаме. Позёывая, открыла дверь и, увидев меня, округлила глаза и рот:

– О! Пропавшая!

В квартире было тепло. Алька снимала её пополам со своей университетской подругой, но та, похоже, ещё спала: дверь в её комнату была крепко закрыта.

– Чай будешь? Кофе? Ща, подожди, принесу твой багаж, а то забудешь потом, – Алька убежала в комнату.

– Я только за вещами, – крикнула я громким шёпотом. – Ничего не буду. Внизу такси ждёт.

– Что-о? – донеслось возмущённое. Алька выглянула и пригрозила мне кулаком.

Снова исчезла, чтобы появиться с моей шубой в охапку.

– Ты умотала из клуба с тем красавчиком, – зачастила она тихо и сердито, – появляешься через два дня вся с ног до головы в обновках и собираешься улизнуть, ничего мне не рассказывая?

– Алечка, потом, – я засмеялась, принимая вещи. – Сейчас еду домой, нет времени.

– Ой, да, кстати, твой предки мне звонили. Выясняли, не знаю ли я, где ты и что с тобой. Я сказала, что ты ушла в запой.

– С ума сошла?!

Алька рассмеялась:

– Да шучу, шучу. Никаких запоев для послушной дочери еврейского народа. Всё, иди тогда.

Она мягко пихнула меня в спину. И, когда я уже была на лестнице, крикнула вслед:

– Набери меня, когда освободишься! Иначе мсть!

Похикивая, я устремила через холодный подъезд в тёплое нутро ожидавшегося такси. Села назад и сказала водителю адрес. Сначала мой собственный: не стоило появляться дома с лишними вещами.

Телефон ещё жил – показывал жалкие доли заряда. Но стоило мне открыть список пропущенных и ужаснуться их количеству, как телефон пискнул и отключился. Я со вздохом откинулась на спинку. Ладно, приеду домой и разберусь.

Оставив вещи на своей квартире, с тем же таксистом я полетела дальше. Уже предвкушала, как налью себе кофейку из эспрессо-машины, стоявшей у нас на кухне, и под мамину болтовню неторопливо выпью.

Но этому желанию не суждено было сбыться.

Дом встретил меня глухой тишиной. Ни матери, ни отца, ни бабушки Софии, ни брата с женой. Зарядив телефон, я узнала, что, оказывается, оглашение завещания перенесли на восемь утра, и все давно уже сидят в офисе у нотариуса.

Как назло, я отпустила такси, и пришлось долго ждать, когда приедет другое. В общем, когда я ворвалась в офис, то услышала из-за закрытой двери кабинета густой сочный рёв отца:

– Ах этот старый сморчок! Убил бы!

И следом спокойный мамин голос:

– Максим, он и так уже мёртв.

– Я Миргородская Яника, – представилась я секретарше – или кто там сидит в приёмной у нотариусов. – И, кажется, мне туда.

Секретарша, невозмутимая, как статуя Девы Марии, нажала на кнопку интеркома. Пока она негромко докладывала обо мне, я снова услышала вопль отца:

– Да как он мог со мной такое сделать! После всех этих лет, когда я на него батрачил! Со всеми с нами!

Похоже, завещание уже огласили.

И, похоже, его содержание далеко от того, что мы ожидали.

По спине пробежали мурашки. Это что же такое придумал прадед, что отец так злится? Мой всегда спокойный, просчитывающий выгоду отец?

Секретарша кивнула мне, позволяя пройти. В несколько шагов добравшись до двери, я толкнула створку и настороженно заглянула внутрь.

Кабинет оказался значительно больше, чем я представляла, но для количества собравшихся в нём явно был маловат. За крупным красно-коричневым столом восседал, скорее всего, нотариус, сзади на стульях скромно примостились два молодых человека в затёртых костюмах. С другой стороны, окружив стол полукругом, сидели мои родные. Я сразу увидела отца и мать, рядом брата с женой, с другой стороны бабушку Софию. А потом взгляд потерялся: послушать нотариуса пришёл, похоже, весь клан Миргородских. Включая двоюродных, троюродных и вообще не родственников, если рассуждать по критериям прадеда: женился не на еврейке – вон из рода. Я не стала, конечно, их пересчитывать, но здесь было не меньше двадцати человек навскидку – так что окна кабинета запотели изнутри, а воздуха явно не хватало. И все эти двадцать с лишним пар глаз сосредоточились на мне, стоило переступить порог.

– Яника! – завидев меня, отец вскочил на ноги. – Знаешь, что удумал твой прадед?!

От яростного вопля чуть стёкла не задрожали. Даже нотариус вздрогнул, что уж говорить обо мне. Как по команде, кабинет взорвался голосами: все загомонили, стали переглядываться и качать головами.

– Максим, девочка ни в чём не виновата, – мама поспешно схватила отца за рукав.

– Максим Геннадьевич, вам лучше сесть, – нас накрыл хорошо поставленный голос Валентина Петровича, нашего адвоката.

Он работал на нас уже лет тридцать, не меньше, так что фактически считался членом семьи. От него у нас не было секретов, даже самых щекотливых. И, разумеется, такое важное дело, как оглашение завещания прадеда, без него обойтись не могло.

– Попросите Зочку принести стул для Яники, – вполголоса сказал Валентин Петрович нотариусу.

Тот, услышав просьбу, отмер и, нажав на кнопку интеркома, повторил это секретарше.

Тем временем отец тяжело опустился на место, но выглядел всё так же сердито. Лицо его покраснело и блестело от пота.

Мне тоже принесли стул, и все снова притихли.

– Зачитайте, пожалуйста, ещё раз для Яники, – попросил Валентин Петрович.

Нотариус кивнул, поправил очки и без выражения, быстрым монотонным голосом зачитал с листа:

– Я, Михаил Ефремович Миргородский, проживающий по адресу... настоящим завещаю. Все моё имущество я завещаю не рождённому на момент моей смерти ребёнку мужского пола, появившемуся на свет от моего правнука либо правнучки, в браке, заключённом между оным правнуком либо же правнучкой и представителем фамилии Штольц, ведущей свой род от Райнера Хендриковича Штольца, проживавшего по адресу...

Остаток волеизречения я, если честно, плохо слышала. Слово «Штольц» ударило меня, как обухом топора. Что? Что-что-что?

Брак? Ребёнок? Всё имущество?

В какой-то прострации я уловила окончание: «Если оный не появится на свет в течение пяти лет после моей смерти, всё имущество завещаю благотворительному фонду «Дети Изра-иля».

Родные снова раскричались. Отец пуще всех. Вскочил со стула и свирепствовал, размахивая руками. Кричал, что жизнь положил на то, чтобы выполнять прадедовы маразматические капризы не для того, чтобы потом его оставили в дураках. На него тут же напали родственники со стороны мамы, стали упрекать, что ничего он для клана не сделал, пришёл на готовенькое.

В общем, свара вышла безумная и отвратительная.

Нотариус даже не пытался остановить выяснение отношений, как замер сухоньким кузнечиком, так и сидел.

Конец этому положил Валентин Петрович.

– Уважаемые господа! – его хорошо поставленный голос накрыл нас, как колокол. – Нет смысла обсуждать прошлое. Предлагаю решить, что будем делать дальше. Максим Геннадьевич, присядьте, пожалуйста.

Отец и другие родственники последовали приказу – а это был именно приказ, хоть и в безукоризненно вежливой форме.

– Во-первых, мы можем оспорить завещание. Но скажу сразу, что это не так легко, завещание составлено по всей форме, заверено свидетелями и нотариусом, Михаил Ефремович на момент составления находился в здравом уме, а суд обычно выносит решение в пользу последней воли умершего.

Все снова загудели. И снова замолкли, когда Валентин Петрович продолжил.

– Исходя из этого, я считаю, что наиболее разумно действовать согласно завещанию. На данный момент, если я никого не забыл, в семье три незамужних девушки, – взгляд нашего адвоката пробежался по лицам собравшихся и остановился на мне. – Это Яника, – я вздрогнула, – Илана, – теперь вздрогнула и испуганно вытаращила глаза моя двоюродная сестра по матери, толстенькая некрасивая одиннадцатиклассница, – и не присутствующая здесь Виктория.

– Илану? Замуж? – ахнула её мать и обняла за плечи, привлекая к себе, как будто дочери грозило что-то ужасное. – Моей девочке всего семнадцать!

– Идиотка! – прошипел её муж, отец «девочки». – Что ты несёшь, её сын получит всё!

– Ещё родить его надо, этого сына!

– Да пусть хоть пятерых рождает! Такие деньги!

Илана приоткрыла рот и только и переводила взгляд с одного родителя на другого. А те сцепились не на шутку, мать кричала, что ни за что не пустит кровиночку замуж в таком раннем возрасте, а отец – что некоторые и в шестнадцать рожают, и когда на кону стоит миллиардное состояние, родить парочку детей – плёвое дело.

Они разошлись настолько, что даже Валентин Петрович, видимо, решил дать им выговориться и не вмешивался.

А я тем временем поняла, что самый подходящий кандидат – моя собственная персона.

Илане семнадцать, Виктории, о которой только что упомянули – уже за тридцать, и у неё двое детей, несколько лет назад она развелась с мужем. А мне – двадцать два, я только что закончила университет, в самом благоприятном для деторождения возрасте, да к тому же веду свой род прямоком от прадеда: дочь старшей дочери старшего сына. Правда, сама я – младшая, но Арон давно женат.

Но я не могу выходить замуж. Я только что встретила человека, который мне действительно нравится. И он даже сделал мне предложение, пусть и под влиянием момента. И я обещала сегодня вечером к нему вернуться.

Валентин Петрович снова заговорил. Напомнил, что с нашей стороны это может быть правнучка – или правнук, и у Штольцев есть незамужние девушки. Стал перечислять имена неженатых Миргородских.

Я вздохнула с облегчением, но тут же выяснилось, что подходящих парней у нас всего двое, остальные или ещё совсем дети, или уже женаты. Рома и Стас, мои двоюродные по отцу, хоть и присутствовали сегодня, Миргородскими не считались и автоматически выходили из расчёта.

Тут встал папа и шибанул кулаком по столу нотариуса – да так, что и сам нотариус, и двое за его спиной подпрыгнули на стульях.

– Замуж выйдет Яника! – взревел отец.

– Нет! Я не могу! – я сначала крикнула, а потом осеклась, когда в одно мгновение стала мишенью всех взглядов. Включая налитый кровью отцовский.

– За Штольца выйдешь ты! – сказал папа медленно и угрожающе. – Не смей со мной спорить!

Въевшееся в кровь послушание не позволило мне раскрыть рта. Но про себя я поклялась, что, как только выйду из кабинета, выскажу отцу всё, что думаю на этот счёт. Сейчас, так и быть, поддержу его авторитет перед остальными. Отцу, не Миргородскому по крови, и так приходилось нелегко среди наших снобов.

Дебаты (сказать вернее: дразги, распри, крики...) продолжались ещё с полчаса, потом решено было разойтись, чтобы после похорон обсудить всё заново. Нотариус сразу повеселел. Он, кажется, уже внутренне готовился к тому, что в его кабинете произойдёт смертоубийство. Или даже побоище.

После духоты тесного помещения улица встретила приятным освежающим морозцем. Ненадолго: мы тут же забрались в отцовскую машину. За рулём сидел папин водитель, Марк Евгеньевич. Он, как и Валентин Петрович, уже много лет работал на наш клан. До того как прадед попал в больницу, был его бессменным шофёром.

Отец занял пассажирское место, а мы втроём: я, мама и тот самый Валентин Петрович, кое-как уместились сзади. Арон с Леной и бабушкой Софией ехали на другой машине. Остальные разъехались по домам.

– Что за жизнь, за что мне это всё, – продолжал сетовать отец, пока Марк Евгеньевич аккуратно выводил машину на главную магистраль города. – Столько лет...

– Максим, – успокаивающе протянула мама. – Не волнуйся, тебе вредно. Давление поднимется.

– Да чёрт с этим давлением! Ты понимаешь, что это значит? Мы потеряем всё! Всё! Всё отойдёт этому чёртовому фонду, чёрт бы его побрал!

– Пап...

– Молчать! – крикнул он.

Я осеклась. Похоже, выбрала неудачный момент.

– Ты! – отец обернулся и наставил на меня толстенький палец. – Ты выйдешь за одного из штольцевских гусей! Ни слова возражения! Ни один чёртов фонд ни гроша от меня не получит!

– Папа, я не могу! Я... у меня есть парень!

– Да твой парень жалкая сопля! Выкинь его из головы вообще! Ни мозгов, ни характера! Если он посмеет заявиться ко мне на порог, я велю охране гнать его взащей!

– Максим, – укоризненно вставила мама, но отец только отмахнулся.

Я сообразила, что он говорит о Диме. Уже хотела было вывалить всё: и что Дима мне ни на черта не сдался, и что я познакомилась с парнем, который действительно что-то из себя представляет, и что папа обязательно поймёт меня, когда с ним встретится.

И закрыла рот, потому что явственно вообразила, что папа ответит.

Познакомились в ночном клубе? На третий день сделал предложение? Как его зовут? Где он работает? Что ты вообще о нём знаешь?

– Алло! Костя? – отец тем временем вытащил мобильник. – Подготовь мне всё, что у тебя по Штольцам! Чтобы лежало у меня на столе к обеду. Нет, по всем не надо, только те семьи, у которых есть молодые парни. Да, всю подноготную. По связям тоже там прошерсти, внебрачные дети, любовницы. Не старше, – он прервался и одарил меня изучающим взглядом, – не старше тридцати пяти, не младше двадцати. Жду.

– Пап, ты серьёзно?!

– А что ты думала? – снова раскричался отец. – Что мы отдадим фонду всё? И будем жить на улице? Нет уж, выйдешь как миленькая! Главное – забеременеть. Штольцы ни хрена не получают. Главное ребёнок, а там потом со штольцевским сморчком может тысяча неприятностей случиться.

– Максим! – ахнула мама. – Что ты такое говоришь?

– А что? – теперь он обернулся в её сторону. – Ты думаешь, они не попытаются удавить её после свадьбы? У кого права на ребёнка, тот и заказывает музыку!

– И вы выдадите меня замуж? На смерть? – не выдержала я тоже. На глазах аж слёзы выступили, настолько всё это казалось мне несправедливым. Неужели я и впрямь должна буду выйти замуж за неизвестно кого, да ещё и рожать ему детей? Да ещё и под постоянным надзором со стороны Штольцев, они ведь тоже всё просчитают?

А как же Сергей?

– Не беда, мы устраним их сморчка куда раньше, – деловито отпарировал отец. – Пусть только забеременеет.

– Максим! Ты серьёзно?

– Не волнуйся, за разговоры пока не сажают.

Я съёжилась. Валентин Петрович сидел как истукан, да и водитель ничуть не сбавил скорости. Проверенные люди, они, небось, слышали и не такое.

Отец настроен серьёзно. Оставалась только одна надежда – что мама встанет на мою сторону и убедит его. Она должна понимать, что это такое – быть вынужденной рожать от нелюбимого. Хотя бы чисто по-женски.

Мама стукнула папу по плечу и сердито спросила:

– Какая гарантия, что она с первого раза родит сына? Нельзя убивать Штольца сразу, нужно хотя бы убедиться, что там мальчик.

О боже.

– Мама!

– Ой, ну что «мама»-то, – она повернула ко мне недовольное лицо. – Я же о тебе думаю!

– Вы... вы вообще серьёзно тут рассуждаете? Об убийствах?

Мама с папой переглянулись.

– Яника... – сказала мама.

– Ты помнишь дядю Натана? – спросил отец.

Дядю Натана я помнила смутно, он был нам седьмая вода на киселе. Да, Миргородский, но какой-то сын двоюродной сестры троюродной бабки – что-то в этом роде. Он служил в нашей семье примером того, как можно прогореть, если будешь недостаточно осторожен. У дяди Натана был небольшой ювелирный бизнес в начале двухтысячных, он хотел расширяться и купил с этой целью землю для постройки мастерской, по совместительству торгового павильона. Купил у Штольцев – они давали самую выгодную цену. А потом выяснилось, что место было продано нелегально, город забрал его обратно, а дяде Натану пришлось сносить постройки за свои деньги и убираться, поджав хвост.

– Немного, – осторожно сказала я.

– Это Штольцы его довели до суммы, – горько сказал отец.

– Пап... они просто пытались расстроить его бизнес. А потом, ты сам говорил, дядя Натан нашёл доказательства, и Штольцы загремели в тюрьму.

– Яника! – одёрнула меня мама.

– Ну хорошо, схлопотали срок.

– Яника!

– Получили срок, – исправилась я окончательно, и мама удовлетворённо кивнула.

– Ты не понимаешь, – снова начал отец, – они же все бандиты, проститутки и сводники, в девяностые на рэкете поднялись.

– Максим!

– Проститутки и сводники! Ей уже двадцать два, я могу говорить с дочерью так, как хочу! Я же не сказал «шл... – он осёкся в последний момент, мама уже набирала в грудь воздух. – Всё, всё, всё! Молчу. Так послушай, – он снова обратился ко мне, – а новый гостиничный комплекс на Первомайской? Увели из-под носа! Расстроили сделку! А как они ловко отжали бизнес у Белянчиков? А ограбление инкассаторов пять лет назад?

– Но мы же так и не выяснили, Штольцы там были или нет, – неуверенно сказала я.

– Да кто же ещё! И это бы доказали, если бы исполнитель не умер в камере! А почему он умер? Кто ему помог? А? Что ты молчишь?

А что мне было сказать. Я была воспитана в сознании, что Штольцы – истинное зло на земле. Что они пришли в этот мир для того, чтобы мучить и терзать нас, Миргородских. Что все шишки, которые только ни сыпятся на нас, сорваны с веток и запущены исключительно Штольцами, этими бандерлогами городских джунглей.

Успокаивало только то, что основная масса тех преступлений, которыми пугали меня родные, случилась давно, ещё до моего рождения. Последний всплеск «военных действий» пришёлся на девяностые. Старшее поколение пережило всё на своей шкуре, а нам, младшим, уже начало казаться, что это лишь сказки минувших дней. Что сейчас, в цивилизованном обществе, и Миргородские, и Штольцы, очутившись на одном приёме, только раскланяются и разойдутся (в девяностые это, наверное, завершилось бы захватом заложников и перестрелкой... ну, по крайней мере, мне так представлялось).

– Итак, Яника, – снова начал отец после паузы. – Ты поняла, что надо делать?

Он ждал ответа, и я через силу кивнула. Но этого оказалось мало.

– Повтори.

– Выйти за Штольца, забеременеть, родить мальчика, уйти от Штольца, – проговорила я, как послушная девочка, заучившая на Новый год стишок для деда Мороза.

– Верно, – отец кивнул. – Со Штольцем мы разберёмся сами. Не волнуйся, комар носа не подточит, – это уже было обращено к матери. – Несчастный случай. У Кости есть пара надёжных людей для этого.

Я молчала.

Если честно, разговор меня не слишком шокировал. Может быть, потому, что всё это звучало нереально: какая-то охота за наследством, убийства и несчастные случаи, надёжные люди,

которые могут помочь. Пусть где-то в глубине души я понимала, что отец и впрямь настроен всерьёз, и Штольцы, стоит им только узнать о завещании и просчитать угрозы и выгоду, тоже будут настроены всерьёз, а это значит, что опасность грозит уже мне – всё равно, это звучало как сценарий для триллера, а не моя жизнь.

Но помимо всего прочего – я не собиралась участвовать в этих играх. Нет уж, папочка. Кого угодно делай разменной монетой, но не меня.

– Максим, только будь, пожалуйста, очень осторожен. И ты, Яника, – мама обратила на меня встревоженные глаза.

– Не волнуйся, – ответил папа, а я просто кивнула.

Я буду очень осторожна, путая следы. Слава богу, я не успела рассказать о Сергее, так что никто не станет искать меня у него. Даже через Альку, Эрику и Катажинку не найдут – потому что они тоже не знают о Сергее ничего, кроме имени.

Машина въехала в наш подземный гараж, и мы дружно выбрались из неё. Уже заходя в дом, мама вдруг дёрнула отца за руку.

– Максим. А как нам убедить Штольцев, что им тоже это надо?

Папа остановился в проходе. Вытаращил изумлённые глаза.

– А зачем их убеждать?! Ты думаешь, они упустят возможность захватить весь наш капитал? Прибрать к рукам банковскую сеть Миргородских? Да они любого из своих хоть в брак, хоть в пасть ко льву потащат!

– А как они узнают? Ты собираешься рассказать им об условиях завещания?

– Да уж они-то узнают!.. – отпарировал отец, но было видно, что мамин вопрос заставил его задуматься.

Тут в разговор вступил Валентин Петрович:

– Мы можем подать это под соусом: давайте прекратим распри и поженим наших детей.

Я тоже думаю, что со временем они непременно узнают о содержании завещания, но причина для вида должна быть.

Папа, пожевав губами, согласился.

А я впервые задумалась, почему прадед вообще составил такое завещание. А вдруг он именно этого и хотел: чтобы Миргородские и Штольцы помирились?

Хотя нет. Этого не может быть. Ведь и вражда же началась именно с поколения прадеда. Точнее, между прадедом и указанным в завещании Райнером Штольцем. Насколько я помнила из семейной истории, когда-то они были друзья не разлей вода. Родом из одной деревни на юге страны, они прошли вместе войну и вместе поднимали потом хозяйство.

У нас даже где-то была фотография: молодой прадед, лохматый, весёлый, положил руку на плечо серьёзному Штольцу и ухмыляется в камеру. Оба в сапогах, прадед по пояс обнажён, а Штолец одет полностью, даже на голове картуз. У него в руке вилы, у прадеда огромная коса. Сзади, на большом стоге сена, сидят и скалятся девушки в косынках. Одна из них впоследствии стала моей прабабушкой, кстати говоря.

Что за кошка пробежала между прадедом и Штольцем потом, я не знала. В семейных хрониках это не упоминалось. Просто считали как бы по умолчанию, что Штольцы – исчадие ада, нукопожатны и не заслуживают доверия. И, в принципе, до нынешнего дня это мнение они вполне оправдывали.

А теперь вот завещание. Что вообще взбрело в голову прадеду?

Его заставили? Его шантажировали? Свидетели и нотариус подкуплены Штольцами, а завещание на самом деле фальшивое?

Думаю, все эти версии Валентин Петрович вместе с отцом обязательно проработает – но я пока буду целее рядом с Сергеем.

* * *

Отец почти сразу уехал на работу, я хотела тоже слинять, но не могла не поесть маминых блинчиков. Мама готовила их по особому рецепту, без молока, зато с ванилью и мёдом, и выходили они у неё просто божественно. Она вообще любила готовить и, хотя папа несколько раз предлагал нанять кухарку, ревностно не допускала никого на свою вотчину.

Арон тоже посидел с нами, а его жена Лена, как обычно, от мучного отказалась. Меня же совесть не мучила: я и так проходила по нижней границе весовой нормы. Да и за дни секс-марафона с Сергеем успела похудеть на полтора килограмма.

Стоило вспомнить о Сергее, как в одном месте с готовностью погорячело. Прошло-то всего-ничего с тех пор, как я уехала, а уже соскучилась по его запаху, по крепким объятиям и жаркому тёмному взгляду. И по ещё кое-какому крепкому и твёрдому товарищу.

Боже, с каким же нетерпением я ждала вечера. Времени, когда такси подвезёт меня к знакомому подъезду, консьерж узнает меня, улыбнётся и придержит двери, а потом забежит вперёд и вызовет лифт. Я доеду, поглядывая на себя в лифтовое зеркало, притопывая на месте от желания скорее выскочить, нажму на кнопку звонка, дождусь шагов за дверь – и упаду в родные объятия. Едва закрыв за мной, Сергей тут же, в прихожей, меня разденет, и я, дрожащая от возбуждения, приму в себя его прекрасный, мощный, нетерпеливый член.

Замечтавшись, я не заметила, когда ушёл Арон. Мама выставила на стол фарфоровые чашечки, из которых поплыл божественный аромат свежесваренного кофе. Присела напротив, и мы немного поболтали о всяком-разном: о работе, о делах компании, о бабушке Софии, которая задумала на старости лет открыть ресторан в Монако и постоянно моталась туда, улаживая то и дело возникавшие проблемы. Наша бабуля для семидесяти лет вела очень бурную социальную жизнь: в том же Монако у неё жил любовник, а в соседней Ницце – ещё один.

Кстати, бабушка София. Она может быть в курсе, почему рассорились прадед с Райнером Штольцем, могла что-нибудь слышать от деда. Я сделала себе заметку расспросить её.

После сытного обеда захотелось полежать – и чтобы не поддаваться коварной сонливости, я решила позаниматься в домашнем спортзале. Всё равно до вечера совершенно свободна.

Проходя через анфиладу комнат, я услышала женский голос. Явно приглушённый и в то же время звенящий от какого-то едва сдерживаемого возбуждения, как будто говорящая не до конца верила собственным словам.

– Арон, это наш шанс, – сказала женщина, и я её узнала. Жена брата. Лена.

– Но ведь всё уже решилось, – ответил ей голос брата. – Замуж выйдет Яника. О чём ты? Так. А вот это уже необходимо послушать.

Похоже, они сидели в соседней гостиной. Я подобралась ближе и спряталась за косяком. Увидела их в тонкую щель: Лена в том же шёлковом синем платье, в котором присутствовала на оглашении, примостилась на спинке кресла, где вальяжно устроился Арон.

– Глупыш, адвокат же сказал, мужчина тоже может претендовать, – Лена, как кошка растёкшись по спинке кресла, завивала на палец кудри брата и отпускала.

– Неженатые же только.

– Боже, ну почему ты у меня такой... разведённые тоже! Мы разводимся фиктивно, ты женишься на какой-нибудь девчонке из Штольцев...

– И заделываю ей ребёнка?! Ты с ума сошла?

– Не обязательно же заниматься сексом. Не важно, каким путём это дело попадёт внутрь. Хотя, знаешь, – она игриво пожала плечами, – я бы простила. Это же не измена. Или можно даже опять попробовать секс втроём, – гостиную наполнил её глубокий грудной смех.

– Но... я не знаю, это как-то... Ты уверена, что дело выгорит?

– Глупыш, ну конечно же. Ты что. Такие деньги на дороге не валяются. Можешь быть уверен, папаня Иланы сегодня же вечером полетит договариваться со Штольцами напрямую, в обход твоего с Яниккой. А мы должны клювом щёлкать?

– Ну да... тут ты права. Но как мы это сделаем?

– Боже, да очень просто! Ты у меня красавчик, – Ленина рука прошла по подбородку брата, – выясним, где подходящая девчонка проводит свободное время, встретишь её, обаяешь, всё! На худой конец можно же и силой удержать. Тс-с, не торопись, – тонкий пальчик прижался к губам Арона, – проблем не будет, сто процентов. Главное чтобы она забеременела, после этого Штольцы сами брак признают как миленькие. Им же тоже нужен этот младенец. Дело только в том, чтобы успеть раньше всех.

Едва договорив, она впиалась в губы брата жадным поцелуем. Спина в синем платье заслонила мне обзор, а потом на ней появилась рука Арона и стала наглаживать.

Я осторожно отступила назад.

Пожалуй, в спортзал доберусь кружным путём.

Однако – а Лена-то не проста. Я, конечно, догадывалась, что она вертит моим тюфячком-братцем, как хочет, но чтобы такое. Фактически сама толкает мужа в руки неизвестной девушке. И ещё это упоминание о тройничке. Не знала, что Арон настолько продвинут в сексе. Хотя лучше бы и не знала.

Но, если честно, мне всё это лишь на руку. Пусть Арон с Леной кидаются с головой в эту клоаку, у папы будет наследник, весь капитал останется в семье. Меня, конечно, немного покорило то, что они замышляют – ладно Арон сумеет соблазнить какую-нибудь дурочку, но похищение, насильственное удержание, беременность против воли – это уже совсем другое дело.

Но, судя по семейной истории, Штольцы вытворяли с Миргородскими вещи не лучше. Чего стоила, например, история с тётушкой Адой, которую похитили, чтобы получить выкуп у её мужа.

В итоге я никому не сказала о разговоре. Отзанималась на тренажёрах, поспала немного, поболтала с Катажинкой по телефону. Выбрала нашу полячку именно потому, что она даже не видела Сергея – опасалась ляпнуть лишнего в ответ на расспросы Альки и Эрики.

Из дома я вышла, когда на часах уже перевалило за девять. Рассудила, что в это время даже трудоголик Сергей будет дома, так что сидеть под дверью мне не придётся. Оделась потеплее сверху и посексуальнее снизу, и зашагала по дорожке.

Такси ждало меня за оградой, я видела его огни чуть поодаль. Спокойно вышла к калитке, толкнула чугунную вязь и удивилась, когда та не подалась. Странно, обычно калитку запирали ближе к полуночи, после того, как вся семья окажется в сборе. Отец обычно возвращался в районе десяти вечера.

Я толкнула ещё раз. Потрясла. Проверила засов – заперт, как миленький. Что теперь? Не лезть же в шпильках через забор? К тому же, если вдруг уже включили сигнализацию, она завопит, дом встанет на уши.

Ну ладно. Выйду через другие ворота. Я повернулась и чуть не упёрлась носом прямым в охранника.

– Господи, вы меня напугали! – я его знала, только не помнила имени. Кажется, один из големов Валентина Петровича – у него их был целый отряд, все как на подбор, как будто выструганные из дерева. – Почему калитка закрыта? Можете её открыть?

– Никак нет, – он чуть под козырёк не взял, аж рука дёрнулась. – Калитка закрыта по приказу Валентина Петровича. Прошу вас пройти в дом.

– Вы что, с ума сошли? С какой стати мне идти в дом, если я хочу наружу? Меня ждёт такси, я уезжаю.

– На ваш счёт есть инструкции. Вам нельзя покидать дом, – он обогнул меня, осторожно взял за плечи и мягко подтолкнул в сторону крыльца.

Сопротивляться было бессмысленно. Он мог бы поднять меня за шкуру и, пока я вопила бы и барахталась, одной рукой донести до дома. Даже мягкий толчок я ощутила как дружеское подпихивание экскаватора.

Ладно.

Пока охранник не перешёл от слов к делу, я, гордо вскинув голову, зацокала по дорожке обратно. Деревянный голем шагал сзади, будто вознамерившись убедиться, что я не потеряюсь по пути.

– Спасибо, что проводили, – процедила я, захлопывая дверь перед самым его носом. Мелочная месть, конечно. Недостойно Миргородских.

Впрочем, хорошо же, уважаемый Валентин Петрович. Вы предугадали мой ход, посмотрим, предугадаете ли следующий.

Сняв шпильки – внешний вид отошёл уже на десятую позицию, – я переделалась в кроссовки. Достала с полки любимую мамину шляпку, вязаную фиолетовую, по моде двадцатых годов прошлого века, и мамино же пальто. С гвоздика стянула ключи от автомобиля.

Надо торопиться, пока не приехал отец. Или пока Валентину Петровичу не доложили о моей попытке побега.

Лифт бесшумно спустил меня в подземный гараж. Устроившись за рулём маминой «Шевроле Спарк», я набрала на мобильнике номер нашей домработницы. Попросила:

– Инна Борисовна, мама хочет съездить за покупками. Попросите охрану открыть парадные ворота.

Я не волновалась, что домработница заподозрит неладное. По вечерам мы её почти не беспокоили, мама управлялась со всеми делами сама, так что Инна Борисовна смотрела телевизор в своей комнате и тихо вязала. Сейчас наверняка занимается тем же, так что знать не знает, где на самом деле мама. Максимум, слегка удивится, почему хозяйка не позвонит охране сама, но, как и подобает вышколенной прислуге, оставит это удивление при себе.

Как я и думала, в динамике прозвучал спокойный голос:

– Конечно, Яника Максимовна, сию минуту.

Отлично. Получив приказ от Инны Борисовны, охрана ни за что не подумает, что это я – за рулём маминого автомобиля, в маминой шапке и пальто. Я выждала пару минут, наблюдая, как в проёме поднятых роллетов⁴ медленно опускается снег.

Наконец завела мотор и аккуратно тронула машину с места. Нельзя гнать, мама обычно ездит медленно, как черепашка. Гнать будем, когда окажемся за воротами.

Сердце подпрыгнуло, когда, подъехав, я увидела, что ворота стоят нараспашку. Сработало!

Я невольно прибавила газу, уже предвкушая, как оставлю далеко позади родимый дом и Валентина Петровича. Так-то, знай наших! Примятая шинами дорожка с белыми сугробами на обочинах манила, как взлётная полоса.

И тут, когда я уже была в воротах, перед машиной, как прыщ на чистой коже, вдруг вырос человек. Выругавшись, я затормозила в последний момент, бампер чуть не коснулся начинающего самоубийцы.

Выскочила из машины:

– Вам что, жить надоело?!

И обомлела. Свет фар ясно высветил спокойное лицо Валентина Петровича. Он чуть щурился, но, засунув руки в карманы долгополого чёрного пальто, стоял незыблемо, как памятник моим несбывшимся надеждам.

Увидев меня, Валентин Петрович кивнул. И предложил:

– Давайте вернёмся. Мне нужно с вами поговорить.

Снег сыпал на его пальто, усеивая мириадами белых точек, которые сразу же таяли, впитываясь в ткань.

– Чёрт бы вас побрал, – выдохнула я, стягивая с головы мамину шапку.

---

⁴ Роллеты – здесь: поднимающиеся на манер жалюзи гаражные ворота.

* * *

Мы устроились в одной из малых гостиных недалеко от моей комнаты. Прежде чем начать разговор, Валентин Петрович обошёл помещение и проверил, что оно действительно пусто, а потом предложил занять место, наиболее удалённое от обеих дверей – у окна, за круглым столиком с выгнутыми ножками.

Я молча последовала приглашению. После того, как днём сама подслушала разговор Арона и Лены, никакие предосторожности не казались мне излишними. Но было интересно, что же такое секретное Валентин Петрович собирается мне сообщить.

Начал он издалека:

– Яника, прежде всего, должен сказать, что я хорошо вас понимаю. Вы против этой затеи. И я понимаю ваши мотивы. Брак без любви, по необходимости, это не то, о чём мечтают молодые девушки. Но, Яника, как человек значительно старше вас, должен сказать, что брак по расчёту тоже бывает неплохим. История знает немало пар, сложившихся по принципу «стерпится – слюбится».

Я вздохнула. Немного подумала и решила выложить всё начистоту. Валентин Петрович не отец, он не будет махать руками и кричать, что Сергей меня недостойн.

– Дело в том, что у меня есть человек, которого я люблю, – я сделала паузу, собираясь с мыслями. Валентин Петрович не торопил меня, внимательно слушал. – Я понимаю, речь идёт о действительно больших деньгах, но... мне это не важно. Жили мы как-то до сих пор, как-нибудь проживём и после. Бедствовать не будем.

– Ну бедствовать – нет, но всё же ваше положение изменится. Например, вы в курсе, что этот дом, – он обвёл рукой гостиную, – принадлежит Михаилу Ефремовичу?

Я пожала плечами:

– Я работаю, и на съёмную квартиру зарабатываю.

– Вы думаете, вас оставят на этой работе, если Максим Геннадьевич потеряет пост гендиректора «Сити-банка»?

А вот это меня ударило. Всё настолько серьёзно? Хотя... большая часть акций «Сити-банка» и впрямь принадлежала прадеду. Если всё отойдёт этому израильскому фонду, как его там, смена управляющего состава неизбежна.

– Да, блин, почему, в конце концов, я, – пробурчала я, чувствуя, что этот раунд, кажется, проиграла. – Полно других, кто хочет! Та же Илана... Вика, когда узнает, тоже наверняка захочет. Арон может развестись и попытать удачу! Лучше бы вы об этом подумали!

– Яника, – Валентин Петрович подался вперёд и опёрся локтями о столик, сложил пальцы в замок. Его прозрачные серые глаза сурово взглянули на меня. – А давайте подумаем с другой стороны. Что вы сделали для рода? Чем вы ответили на те блага, которые получили от Михаила Ефремовича, напрямую и косвенно?

– Я ни о чём не просила! – буркнула я, чувствуя себя избалованным ребёнком.

Валентин Петрович молчал. Я вздохнула и заставила себя успокоиться.

Так дело не пойдёт. Надо действовать по-другому. По-взрослому.

– Хорошо, – сказала я внешне спокойно. – Я понимаю, о чём вы говорите. Но вы же слышали, о чём рассуждали мои родители. В этом браке я стану мишенью и марионеткой. Неужели вы считаете, что для меня это хорошая судьба?

Вот вам, дорогой Валентин Петрович. Что вы ответите на это?

Ответил он не сразу.

– Я обещаю вам, – начал он очень, очень медленно, – что лично обеспечу вашу безопасность. Найду любой компромат на вашего предполагаемого супруга и его семью, любые способы, чтобы вы могли ни о чём не беспокоиться. При таких условиях вы согласны?

– Нет! – крикнула я отчаянно. – Не согласна и никогда не соглашусь! Просто потому что...

Я осеклась.

Потому что люблю другого? Потому что эгоистка? Потому что не собираюсь быть благодарной – по крайней мере не такой ценой?

Я молчала, задыхаясь от эмоций. Он никогда не поймёт, старый упёртый чёрствый сухарь. Даже если я расскажу о Сергее, как можно передать главное – чувства, взаимное желание, доверие, нужду друг в друге? И где гарантия, что это убедит Валентина Петровича? Да он, наверное, и жене своей сделал предложение не потому, что любил, а потому что пришло время жениться!

– Что ж, – он опёрся о стол, готовясь подняться. Кажется, разговор был окончен. – Тогда не остаётся ничего иного, кроме как ждать, когда вы повзрослеете.

Я молчала, чувствуя себя забившимся в угол зверьком. Загнанным и отчаявшимся. Готовым только кусать и рвать, не думая ни о чём.

Валентин Петрович сделал шаг к двери. Открыл и на пороге обернулся. Я подтянула ноги к груди, отвернулась к окну, не желая ничего слышать. Подкатывали слёзы.

Я всё равно сбегу. Обязательно сбегу. Сергей ждёт меня.

Со стороны двери раздался негромкий отчётливый голос:

– Я всеми силами буду способствовать тому, чтобы воля вашего прадеда была исполнена. Вся охрана предупреждена. Вам не выбраться из дома без моего ведома. Лучше смиритесь. Спокойной ночи.

Я ничего не ответила. Валентин Петрович тихо закрыл за собой дверь и ушёл.

Скатертью дорожка.

Я сидела в одной позе минут, наверное, двадцать. Смотрела в темноту за окном, на узор инея у края рамы.

Если Валентин Петрович думал, что этим разговором заставит меня поднять лапки и согласиться на любые условия – он очень и очень сильно ошибался.

А может, он просто не понимал, что я уже не прежняя Яника, балованная дочурка, получавшая всё, что только попросит. Я бы не пошла на открытый конфликт раньше. Но теперь у меня было за что бороться.

Может, конечно, это иллюзия и мираж – моя зарождающаяся любовь... точнее, ещё влюблённость. Но я не могла предать Сергея. Выкинуть из головы всё, что между нами было, забыть эту сумасшедшую химию, его глаза, его непродуманное, вырвавшееся в момент переполнившихся чувств: «Выходи за меня».

И чем больше на меня давили, тем сильнее я укреплялась в намерении не сдаваться.

* * *

Той ночью я так и не смогла сбежать. Валентин Петрович предусмотрел всё. Он даже поставил соглядатая у дверей моей комнаты, и тот неотступно следовал за мной по всему дому, разве что в ванную и туалет позволил сходить в одиночестве. И внутрь моей комнаты не лез. Впрочем, и не нужно было – внизу, под моими окнами, стоял другой голем Валентина Петровича.

В конце концов мне стало смешно. Меня охраняли как президента или архиважнейшего заложника. В какой-то мере я и была заложником – точнее, гарантом нашего будущего, активами компании, инструментом для получения больших денег.

И, как обычно с инструментами и поступают, никто не интересовался моими чувствами.

На следующее утро, сразу после завтрака, отец закопошился в портфеле и выложил на стол передо мной пухлый коричневый конверт.

– Сегодня я встречаюсь со Штольцами, – он кивнул на конверт. – Посмотри. Это твой будущий супруг. Герхард Штольц.

Дурацкое имя, прокомментировал внутренний голос.

Я нехотя придвинула к себе конверт и потянула клапан. Пальцы дрожали.

На стол высыпались фотографии. Не очень много, штук пять. Зато сделанные на профессиональный фотоаппарат. Кроме фоток, был лист «а4» с текстом. Глаз выхватил возраст, рост, вес, слова «Краткая биография» и убористые строчки ниже...

– Посмотри какой красавчик, – ахнула над ухом мама. – Ну вот, Яника, а ты нос кривила.

Ну что сказать. Незнакомый Штольц и впрямь оказался ничего. Тёмно-медовый блондин с раскованной улыбкой. Чем-то напомнил мне Сергея, и сердце заныло. Не лицом – хотя было что-то схожее и в лице, – а чем-то неуловимым.

Но чем больше я рассматривала фотки, тем большей неприязню к нему проникалась. Странно, именно этот Штольц ничего мне не сделал, так откуда такие чувства?

Наверное, всё дело было в том, что он стоял на пути между мной и Сергеем.

– Яника, ты пойдёшь со мной, – безапелляционно сообщил папа.

– Нет. Никогда. Ни за что, – ответила я так же безапелляционно. – И если ты потащишь меня силой, ты об этом пожалеешь.

Мы засопели, как два носорога, меряя друг друга гневными взглядами. Папа начал медленно краснеть и набухать. Ещё немного, и застучит по столу кулаком, как тогда у нотариуса. Я подобралась и на всякий случай отодвинула подальше от края стола чашку с кофе.

– Максим, твой йогурт, – мамина рука с креманкой вклинилась между нами, как карточка рефери. – Поешь, пожалуйста, вечно у тебя изжога.

Найс, мама. Скандал временно отменяется. Сложно скандалить, когда над тобой стоит цербер с ласковой улыбкой и следит, чтобы ты съел всю порцию.

Пока отец огромными ложками кидал в рот йогурт, мама добавила:

– Оставь Яничку дома, пусть ребёнок отдохнёт. Зачем так сразу официально, дай ей свыкнуться с мыслью, пусть посмотрит фотографии, мы съездим за покупками. Ведь если вы договоритесь, нужно же будет заказать свадебное платье.

Свадебное платье! Я чуть не поперхнулась кофе.

Как-то слишком сильно вдруг повеяло реальностью. Я представила себя в платье невесты. Снежно-белом с пышной юбкой в пол. Спереди закрытое, сзади прозрачное кружево. Я улыбаюсь, принимая поздравления, в руке у меня розовый букет – а рядом стоит Сергей.

Чёрт бы побрал этих Штольцев! Если бы не они, моё нечаянное видение могло бы стать правдой.

В итоге, отец, то ли подобрев от йогурта, то ли поддавшись на мамины уговоры, не стал настаивать. Зато я с радостью узнала, что на обед он поедет вместе с Валентином Петровичем.

Если мама и впрямь потащит меня сегодня по магазинам, это отличный шанс удрать. Даже големы Валентина Петровича не выдержат маминого темпа – а если речь зайдёт о примерке белья, м-м-м!.. Мужчины обычно очень смущаются, если им приходится сопровождать женщин в таком деликатном деле, как выбор белья. Големы не могут быть исключением. Так что пока они будут прятать глаза – или наоборот, пялиться вовсю на интимные предметы туалета, мне будет проще некуда затеряться среди покупательниц, особенно если переодеться в кабинке.

В прекрасном настроении я присела в кресло дожидаться, пока мама освободится. От нечего делать раскрыла историю входящих звонков. Насколько я помню, я видела там парочку не записанных в памяти номеров. Мой телефон знали очень немногие, так что было любопытно, кто это пытался со мной связаться.

Всего неизвестных номеров оказалось два. Я ткнула пальцем в самый ранний, субботний.

Трубку взяли не сразу. Я уже собиралась бросить, отсчитывая гудки, но на пятом заунывная мелодия сменилась шорохом, и приятный мужской голос произнёс:

– Слушаю.

– Это я слушаю, – усмехнулась я. – Вы мне звонили в субботу. Прошу прощения, не смогла тогда взять.

Называть я не торопилась. Мало ли – звонок случайный.

Но случайным звонок не оказался.

– Яника Миргородская? – прозвучало в динамике. – Моё имя Герхард Штольц.

Ничего себе.

Я аж спустила с кресла ногу и выпрямилась.

Это папа дал ему мой номер? Хотя нет, не может быть, он же звонил уже в субботу. Мы узнали о завещании только вчера утром.

– И... что вы от меня хотите?

Мысли неслись в голове со скоростью света. Неужели Штольцы уже в курсе об условиях получения наследства? Или даже не так – неужели они были в курсе уже в субботу? Но как, почему? Завещание в то время ещё хранилось в сейфе у нотариуса. Нотариуса, конечно, можно подкупить, но для этого нужно знать, кого именно из сотен тысяч городских нотариусов выбрал прадед.

– Может, мы могли бы встретиться? Я бы не хотел разговаривать по телефону. Никогда не знаешь, кто ещё тебя слушает. Вы свободны вечером?

– Вечером вряд ли, – сразу отказалась я. На вечер у меня были другие планы.

– Тогда давайте днём. Приглашаю вас на ланч. Где-нибудь в центре устроит?

Я немного подумала – и согласилась. Назвала хорошо известную сеть кофеен чуть выше среднего уровня. Штольц не стал возражать.

Положив трубку, я некоторое время размышляла.

Опасно ли это? Одна на встречу я точно не собиралась. Слишком ярко вставала в воображении картинка, где лысые амбалы пихают меня в машину с тонированными стёклами – а потом кровать, наручники, много-много непрошеного секса и в итоге – лезущий на нос живот.

Охранник в сопровождении не помешает. Вряд ли, конечно, даже Штольцы посмеют похитить человека из кофейни среди бела дня при двух десятках посетителей.

Хотя погодите. Разве этот самый Герхард Штольц не должен был сегодня обедать с моим отцом? Или, раз я не пошла, с их стороны тоже только родители? Или вообще только главы кланов?

Я представила себе телохранителей с кобурами под оттопыренными полами пиджаков, тщательно следящих за каждым движением противоположной стороны. Отца в чёрном костюме и солнечных очках – самый нужный аксессуар зимой в помещении. И штольцевского босса – он представлялся мне большим плотным мужчиной с седыми висками. Они сидят друг напротив друга, курят сигары и обмениваются короткими, полными яда репликами.

Ни дать ни взять Аль Капоне и дон Корлеоне.

* * *

Встреча с Герхардом Штольцем была назначена на час дня, так что с утра мы с мамой действительно успели пройтись по магазинам. Приставленный ко мне Валентином Петровичем голем, не жалуясь, тащил наши покупки, пока мы бегали от одного бутика к другому.

Ближе к часу мама поехала домой, а мы с охранником направились к месту встречи. Я не хотела, чтобы он слышал наш разговор, поэтому попросила обождать поодаль. Он кивнул и занял место за пару столиков до облюбованного мной. Сел так, чтобы не спускать с меня глаз, как будто всем своим видом показывал, что он тут за работой.

Я удобно устроилась на мягком сиденье и придвинула меню.

И где же наш мистер Штольц?

Нехорошо заставлять девушку ждать.

И именно в тот момент, когда я так подумала, из-за одного столика приподнялся одетый в тёмно-голубой костюм мужчина.

– Яника? – утвердительно спросил он, подошёл и, не дожидаясь ответа, присел напротив. – Рад встрече. Герхард, – он протянул руку на американский манер. Пришлось пожать, хотя я это не очень любила.

Фотки не ввали – он действительно был хорош собой. Тоже немного по-американски, совсем чуть-чуть сделано – слишком белые зубы, слишком мужественный подбородок, слишком мощные бицепсы натягивают рукава светло-голубой рубашки (пиджак он снял и аккуратно повесил на плечики). Но многим девушкам бы понравился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.